

Наталья Костина

Привет.
ЭТО Я

Аннотация

Наталью Костину недаром называют «украинской Анной Гавальдой». Ее новый роман «Привет. Это я» — остросюжетное психологическое полотно, повествующее о том, можно ли встретить настоящую любовь в социальных сетях — или же они являются сетью, ловушкой в прямом смысле этого слова?

Пять историй любви, отношений, рвущихся и вновь возникающих связей между людьми; пять переплетающихся в одно целое сюжетных линий и неожиданный финал — все это ждет читателя в новой книге Натальи Костиной, которая читается буквально на одном дыхании. В 2013 году роман номинировался на международном литературном конкурсе «Русская премия», и вошел в лонг-лист.

Наталья Костина

Привет. Это я

Посвящается Константину Кассанелли

Сеть — приспособление для ловли рыб, птиц и т. п., состоящее из перекрещивающихся нитей, закрепленных на равных промежутках узлами.

Сеть — множество переплетенных, скрещенных линий

Толкование слова по словарю Ожегова

Сеть — олицетворяет ловушку, затруднительное положение

Словарь Символов

Социальная сеть — (от англ. social networking servis) — платформа, онлайн-сервис или веб-сайт, предназначенные для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений.

Определение из Википедии

Линия 1

Я райская адская

*В смысле донецкая гадская
Выдающаяся рассказчица
Чисто сестра Стругацкая*

Елена Фанайлова, «Балтийский дневник»

«Привет. это я»

Я смотрю на экран, смотрю не мигая, до рези в глазах... напротив твоей фотографии светится зеленая точка... почему ты не отвечаешь? Ты же здесь, в Сети... от нее невозможно скрыться, ее нельзя обмануть... по крайней мере я так думаю. С кем ты разговариваешь? Ярлык «только что» сменяется на «одну минуту назад», потом «две минуты назад»... а я все смотрю, как будто ты можешь почувствовать этот мой взгляд... Полчаса спустя я отрываюсь наконец от этого бесполезного занятия и переключаюсь на работу... но не могу сосредоточиться... я снова и снова открываю проклятый сайт знакомств в надежде увидеть: «вам сообщение»... Наконец, ближе к двенадцати ночи вдруг вываливается сразу пять мэсседжей. У меня дрожат руки, прерывается дыхание, а сердце длинно падает... падает... но это все не от тебя. «Давай займемся сексом по скайпу». Щас, разбежалась!.. год назад смачно послала бы этого гамадрила, а сейчас ничего не отвечаю... нужен ты

мне... со своей захламленной комнатой, и мамашей, с которой ты живешь, и которая только уснула, сварив борщ и накрутив котлет на неделю. А ты, недоносок, нажимаешь «копировать», и рассылаешь это сообщение всем подряд... авось какая-нибудь дурочка и попадется... Ты будешь драть потными руками, а потом вырубиться в своей конуре, полной омерзительного запаха спермы, грязных носков, бутылок из-под пива и табачного перегара. «Ты на самом деле такая прикольная, как на фотке?» Критически смотрю на свою аватарку. Хочется ответить, что не люблю глупых вопросов, но тут меня пробивает. Пишу «на самом деле я негр-гомосек, восьмидесяти пяти лет». И чувствую хоть какое-то удовлетворение. Остальное все стандартное, все неважное... просто рассылка спама. Я ничего не отвечаю... да и что на это ответить? «спасибо, мне ничего не требуется»? Как говорится, вопрос риторический... Я по умолчанию не хочу ни мебели на заказ, ни эротического белья, ни массажей, ни горящих путевок... сейчас я желаю только одного — чтобы ты нашелся. Но тебя нет. И, значит, нужно, наконец, выключить этот проклятый комп и лечь спать... и я снова ничего не сделала. Курсовая висит гирей на моей совести... но я не могу ее написать. Потому что сижу и сижу в Сети: безо всякой цели... хожу по ссылкам, читаю новости, в которых нет ничего нового,

просматриваю бесконечное количество демотиваторов, где-то даже хихикаю... но всем этим я занимаюсь только затем, чтобы еще потянуть время... вдруг ты объявишься? Ты мне нужен. Нет, даже так: ты мне необходим!.. куда ты пропал?

Хлопает дверь, в комнату вваливается моя соседка, тетка и почти подружка, Танька.

— Привет, Белка! Чё не спим?

— Тебя жду...

Это неправда, и мы обе это знаем, но ей приятно.

— Жрать хочешь?

Хороший вопрос — и я тут же вспоминаю, что не ела с утра. Жидкий чай с булкой на завтрак... нет, между парами еще перекусывала — ходила на угол за пирожками. Внезапно чувствую, что хочу есть жутко, просто зверски.

— Чайник поставь, — бросает Танька, стаскивая боты на таких каблучищах, что каждый раз, когда она надевает эти штуки, я боюсь, что придется ехать за ней в травматологию. Однако она даже ни разу не падала... в отличие от меня, которая ходит исключительно в тяжелых гавнодавах, и все равно умудряется везде цепляться локтями, биться коленями... а каблук мне вообще противопоказаны, хотя даже у меня имеются шузы на высоченных стилетах. Для обольщения и

представительства. Это не я так выражаюсь. Это классика. По-моему, Ильф и Петров. Однако когда я выходила последний раз в этих пыточных штуках, я умудрилась застрять в решетке метро. Ощущение было такое, как будто меня резко дернули за ногу. Разумеется, я рухнула в затоптанном переходе, а нелюбопытный и неотзывчивый пипл обтекал мое распростертое тело, как река огибает остров: мало ли, вдруг пьяная, еще блеванёт... Я тогда хорошо приложилась. Ссадины заживали недели три, не говоря уже о том, что пришлось выбросить колготки, перчатки, и сменить разбитый вдребезги экран мобильного. Словом, мадемуазель получила от пикника удовольствие...

— Один лось в ресторан водил, — поясняет подруга, доставая из объемистой сумки пластиковый контейнер. В нем салат, и что-то похожее на котлету. Оливки, просвечивающие сквозь майонезное месиво, заставляют меня проглотить слюну.

У Таньки полным-полно ухажеров, она легко идет на контакт, но свидания назначает исключительно в точках питания. Говорит, так сразу видно, кто есть ху. Именно с ее подачи я и застряла на этом проклятом сайте знакомств... куча грязи, пошлости — ну кто ходит на эти сайты? Искать там что-то настоящее — пустое времяпрепровождение, но... меня частенько

затягивают словесные игры — и здесь полно мастеров в них играть. Хотя, в данном конкретном случае мне действительно стоило послушаться Татьяну, у которой большой опыт подобного общения, и не принимать ничего всерьез... Пройтись, как она выражается, людей посмотреть, себя показать, и получить от этого максимум пользы и удовольствия. А если ни пользы, ни удовольствий не предвидится — посылать сразу и далеко. Сама она именно так и делает, отправляясь на очередное randevu... а я не могу. Посему и торчу здесь, в нашей комнатухе, просиживая зад у экрана, со всех сторон заваленного книгами, чашками и прочим житейским хламом, который с благословения Сети плодится и размножается вокруг компа со скоростью деления простейших организмов.

Почти каждый день кто-то что-то и мне предлагает, но... Того, кто был бы мне действительно интересен, до сих пор не находилось, а озабоченные сексуально, которых на любом сайте или форуме пруд пруди, меня не интересуют. Ужинать же, а потом крутить динамо, как май френд Татьяна, я не умею. Танюха, не стесняясь, сразу ставит все точки над ё, излагая претенденту прямо в глаза, чего он от нее ждет после приема пищи, и почему она этого делать не будет. Действует безотказно, сама видела. Однако

по инерции все равно ведут и кормят... наверное, думают, что когда девушка откушает, а особенно выпьет, то похорошеет. Эта мысль так меня веселит, что я фыркаю, потягиваюсь, и вопросительно смотрю на Таньку, ожидая комментариев.

— Ну, сегодня не газ-квас, — соседка небрежно кидает куртку на вешалку, и морщит свой красивой формы небольшой носик. — Но все равно, отсидели по полной, раз уж я осчастливила это чучело и приперлась!

— Что за чел? — для порядка интересуюсь я.

— А! — машет рукой Танька. — Одноразовый, как использованный шприц! Можно, конечно, было, как говорится, уколиться и забыться, но не с этим. Потому как ну полный ацтой! Сели, еще не пожрали, а это быдло детектед сразу взяло мне двести бабоукладчика... но ты ж меня знаешь... — она аккуратно пристроила свои чумовые боты в угол и быстро и сноровисто переделась.

Да уж... Моя тетка — девушка крепкого здоровья. Она способна выпить не то что шампанское с коньяком, а денатурат со скипидаром, и пробовать свалить ее с ног с помощью алкоголя — работа зряшная... и прямой путь в черный список.

— Ну, в конце концов пришлось его послать. Вали в Ба-абруйск, животное! Употребила

гуманитарную помощь и ушла, — соседка машет рукой с устрашающими когтями. — Когда сваливала, сказала, что у меня собака, и попросила завернуть чего осталось, — хихикает она.

— Малыш, ну чем я хуже собаки? — я цитирую Карлсона, и с треском раздираю коробку.

— Белка, ты хоть хлеба купила? — интересуется моя благодетельница.

Черт, про хлеб я, разумеется, забыла! Конечно, все это можно съесть и без оного, но так хочется макать кусочки в подливку... я сглатываю фонтанирующую из слюнных желез жидкость и смотрю виноватыми глазами.

— Кажись, девки еще не спят... — Танюха прислушивается к звукам, доносящимся от соседей. — Пойду, выклянчу кусочек.

Без каблуков и боевой раскраски она сразу становится небольшого роста и домашнего вида. Когда она уходит, я машинально беру зеркало и с сомнением смотрю на свое лицо. У меня слишком усредненная внешность: ищущему неземной красоты или нестандарта не за что зацепиться. Глаза карие, волосы темные... сама себе я кажусь какой-то однотонной. Не то что Танька: к длинным локонам блондинки у нее прилегают яркие зеленые глаза, а губы, которые можно было бы оставить как есть, она щедро красит помадой всех цветов радуги. В ее арсенале есть даже черная. У

меня же незатейливая короткая стрижка, и ногти тоже короткие. Ненавижу этот писк моды — акриловые когти! Они омерзительно клацают по клавиатуре, и потом, свои собственные имеют неприятную особенность отрастать... и ты получаешься привязанной к этим штукам, и должна ходить в салон наращивать их все дальше и дальше. Ловушка для дурочек, в которую хоть раз, да попадаешь. Честно говоря, у меня еще и деньги кончаются как-то удивительно быстро. И если я не напишу эту проклятую курсовую, и не сдам ее через неделю, у меня будут все шансы завалить сессию... Тогда я не получу стипендии — а это совсем плохо. Разумеется, мне присылают дензнаки из дома — иначе как бы я жила здесь на одну стипендию? Однако каждый раз, получая перевод, я чувствую себя так, как будто обкрадываю собственных родителей. Моя мать — учитель, а отец — инженер на шахте, которую вот-вот прикроют, потому как там слишком уж часто стали случаться аварии. И вот, вместо того, чтобы подкопить на случай, если кому-то из них придется сидеть без работы, или, еще того хуже... нет, не хочу даже думать о таком — тем более отец не часто спускается под землю. Да, конечно, они экономят на всем, чтобы присылать деньги мне. А ведь дома еще и бабка старенькая... в прошлый раз, когда я приезжала на каникулы домой, она отдала

мне свои «похоронные». С каждой пенсии бабуленция откладывала сотню-другую, потому что все они — старики — обеспокоены тем, что их не на что будет хоронить. Как будто, когда умираешь, тебе уже не все равно... Но, разумеется, я не стала говорить ей об этом. У нас в городе для студентов, наезжающих на каникулы, никакой работы нет, поэтому я безвылазно сидела в родной тесной хрущевке, отъедалась и отсыпалась недели три, к великой радости бабани. А потом Танька вызвала меня обратно. Она нашла место официантки в летнем кафе на пляже, и в этой забегаловке нужна была еще одна. На прощанье бабуля отдала мне свои сбережения и велела купить на них приличной одежды. Приличной — это значит теплой и длинной. Потому что зимой, когда я приезжала домой, моя тощая задница то и дело вываливалась из джинсов, если я приседала или наклонялась подобрать с полу клубок. Бабаня только головой крутила — и заявила, что если я не потеряю штаны прямо на улице, то уж цистит заработаю точно. Она вообще слишком печется о моем здоровье, и пока я ошивалась дома, связала две пары теплых носков. Если бы она могла связать мне шубу, то, наверное, так и сделала. Однако она уже совсем старенькая, и носки — почти единственное, на что ее хватает. «Купи себе пальто, — сказала она. — И костюм. И теплые сапоги, если хватит. Я пока хорошо себя

чувствую». Хорошо себя чувствую — это был сильный коммент! У нее давление, и еще куча всяких болячек, о которых даже думать не хочется. Мне не нужно было брать эти деньги, но я взяла. Однако не стала покупать тряпки — тратиться на них просто смешно. Обычно я год ношу одни и те же джинсы, и зимой, и летом. Только в теплое время мои штаны дополняют пара футболок, а в холода — такая же пара непритязательных свитеров. Честно говоря, мне плевать на моду. Мои убитые ботинки Танька презрительно называет «бациллами», а если нам куда-то бывает нужно выйти вдвоем, это неизменно повергает ее в печаль. Она говорит, что вполне себе симпатичная бейба не должна выглядеть как Катя Пушкарева, и начинает лихорадочно рыться в моих тряпках, пытаюсь выудить какой-либо прикид, более соответствующий случаю, но, как правило, кроме нескольких потерянных фенечек ничего не находит. У нее самой роскошный гардероб, который пополняется после каждого визита к перенсам. У Танюхи в столице мать с отчимом и отдельно живущий отец, в котором моя подружка старательно поддерживает комплекс вины: он ушел из дому, когда ей было лет десять, и с тех пор она выжимает из него все, что может. Хотя ее нельзя назвать слишком уж циничной — она только продукт своего времени, впрочем, как и я сама.

Разумеется, вместо тряпок я купила себе ноутбук. Не слишком навороченный, но мне хватает. Танька просто выпала в осадок, когда увидела его у нас в комнате. До этого у нас стояли две старинные пэкашки: одну списали на кафедре очередного подружкиного бой-френда — за нее, Танька, разумеется, честно отработала, потому как железяка, конечно, была весьма поюзанной с виду, но тянула еще будь здоров. На ней легко можно было мастерить и монтаж, и озвучку. Вторую, совсем убитую, которую прежний хозяин просто поленился снести на помойку, и считавшуюся моей, и которую сложно было использовать даже в качестве пишущей машинки, мы получили в наследство вместе с комнатой, на третьем курсе. Тогда же мы и стали жить вместе. До этого я обреталась в старом корпусе, в комнате на пять коек. Здесь же площадь была всего на двоих, да еще имелся общий санузел, рассчитанный только на нас с Татьяной и двух соседей. Короче, не жизнь, а сказка.

— На, — моя кормилица выложила на стол половинку батона. — Питайся. А то на тебя уже смотреть страшно... чисто глody кактусовая!

Я худая от природы. У меня тонкая кость, и поэтому, когда в запале творчества я забываю поесть несколько дней подряд, то становлюсь совсем тощей. К тому же природа не наградила

меня ничем выдающимся ни спереди, ни сзади, не то что Татьяну — той отсыпали щедрой рукой. Все это, вкупе с ее замечательной общительностью, немало способствует тому, что Танюха везде нарасхват — на любой тусе она в числе самых заметных. Так же легко на ее прелести ловятся желающие поиметь молодую, красивую и наивную дурочку, под которую она косит в Сети. Они-то и водят ее в рестораны. Прежде чем раскрыть свое истинное лицо прагматичной и неглупой особи женского пола, она успевает поесть, потанцевать, а иногда даже раскрутить ухажера на такси. Некоторым из них Танька в обличии прожженной стервы так нравится, что они готовы пойти за ней на край света — но... На мой памяти она еще ни разу не сказала: знаешь, Белка, а вот это — мое... Может быть, она боится долговременных отношений, но скорее, к выбору партнера действительно нужно подходить серьезно. Но, если уж говорить начистоту, сама я почему-то не могу устраивать такие смотрины. Причина первая и основная: я люто ненавижу общепит, пустые тёрки, и людей, от которых хочется сбежать не через полчаса, а сразу же. Поэтому большую часть свободных вечеров я просиживаю дома. Ну, и, конечно, во-вторых: учеба дается мне далеко не так легко, как соседке — Танька ваяет свои курсухи на одном дыхании, да и вообще не тратит много

времени на занятия. Я же обычно переделываю все по многу раз... хотя добиваться совершенства в проходной работе — все равно что стрелять из пушки по комарам. Мои бессмертные опусы никто толком и читать-то не будет, да этого и не нужно... мировой кинематограф не собирается снимать по ним блокбастеры. Я учусь на сценарном, а моя соседка — будущий журналист-телевизионщик. Для непосвященных это все звучит весьма престижно и завлекательно, а на самом деле мы, выпускники «кулька», скорее всего, осядем где-нибудь в районном Дворце пионеров, да и то в лучшем случае. Хотя я и не на контракте, как Татьяна, а умудрилась поступить на одно из трех бюджетных мест, я не питаю относительно своей персоны никаких иллюзий. Стихи и рассказы — это, конечно, хорошо... и на фиг никому не нужно. А сочинять женские романы с обилием огромных фаллосов и крутых бедер, а также сценарии к мыльным операм... Конечно, можно морщить нос, как будто от этого занятия воняет помойкой, но на самом деле мы все об этом только и мечтаем. О нормальной работе, больших тиражах и таких деньгах, которые не заканчивались бы в первые три дня после получения. Однако попасть в обойму тех, кто лепит всякие постельные и прочие страсти-мордасти совсем непросто. Я уже раз двадцать посылала свои бессмертные творения в

редакции, начиная от центральных и заканчивая совсем захудалыми, и на всякие конкурсы, но пока мне еще нигде не обломилось ничего крупнее почетного третьего места и подписки на журнальчик, который помер недоношенным, не дожив и до полугода. И, хотя моя зачетка буквально пухнет от отличных оценок, максимум что мне светит после получения диплома — это кропать сценарии утренников для детских садов своей шахтерской родины. А теперь, ко всем своим неприятностям, я кажется, еще и влюбилась. Именно поэтому я до сих пор таращусь в экран... хотя даже не видела героя своих грез живьем. Вполне возможно, за его обаятельными вихрами и живыми глазами прячется какой-нибудь выпендрожник-баунти... или такой же антистиллер, как и я сама. Впрочем, последнее меня пугает меньше всего. Хуже, если это какой-нибудь клубень, переписывавшийся со мной только по случаю гриппа, а теперь вернувшийся к своему обычному тусовочному образу жизни... да и вообще, наверное, пора бросить все это. Даже если этот чел реальнее всех живых, у меня нет шансов... со мной никогда не знакомятся на улице, от моделей у меня только рост и немереная худоба, а вот выглядеть и одеваться клубнично, так как моя соседка, я не буду никогда. В мою пользу только то, что я умею общаться... к сожалению, почти всегда

на уровне компа. Когда кто-то разговаривает со мной, так сказать, вживую, меня клинит... я мямлю или брякаю совсем не то что надо, а потом грызу себя за то, что могла бы... могла бы... ну почему я такая?!

— Ну, чего, захомячила? Свет гасим?

Танька надела свою смешную пижаму с медведями и заплела косу, отчего стала похожа на пятнадцатилетнюю девчущку. А я, оказывается, до сих пор сижу перед экраном, и машинально доела все, что было в коробке. И хлеб схарчила тоже. И так задумалась, что не заметила, как вымакала подливу... и оливки проглотила... и не почувствовала вкуса! Конечно, нужно ложиться спать... Не знаю как Таньке, но мне завтра на первую пару... хотя можно и не ходить. Наверное, я так и сделаю. Препад не троллит нас, и не пишет докладные о прогульщиках в деканат. И нужно, наконец, сделать эту чертову курсовую — или хотя бы начать...

Линия 2

Вы ведь обожаете такие вещи. Обожаете, когда вам щекочут сердечко, хлебом вас не корми, дай почитать про многообещающие свидания и про мужчин — разумеется, неженатых и не вполне счастливых в личной жизни.

Анна Гавальда «Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал»

— Ты куда?

— Не спится что-то... пойду валерьянки выпью...

Муж грузно поворачивается на другой бок, а я нашариваю тапки, тихонько прикрываю дверь и, стараясь не хлопать каблуками по лестнице, по-мышьиному пробираюсь в кухню. На всякий случай я не включаю люстру — огромная стеклянная стена кухни полукругом выходит в сад, а оттуда свет легко можно заметить через такие же, сплошь стеклянные от пола до потолка окна второго этажа. Идиотская планировка — помимо того, что свет мешает спать, зимой у нас вечно холодно, а летом, если не включать на полную мощность систему кондеев — нестерпимо жарко, словно в огромной оранжерее. Но мужу нравится — современно, модно, красиво — и не так как у всех. Конечно, это не он стоит у плиты в самое пекло!

С ночного неба на меня равнодушно взирает тусклый обломок луны. Толку от его присутствия никакого, и я распахиваю дверцу микроволновки. При свете ее лампочки достаю из заранее оставленного здесь портфеля ноутбук, и нетерпеливо втыкаю его в розетку. Мои руки дрожат. Я целый вечер притворялась такой, какой

была последние десять лет нашего брака: уравновешенной, спокойной и рассудительной. То есть вполне неживой.

«привет, зайка. где ты была? уже вечность тебя жду»

Пальцы бегают по клавишам почти так же быстро, как произносятся слова:

«не могла вырваться»

«ты сейчас где?»

«дома»

«на кухне?»

«откуда ты знаешь?»

«я про тебя все знаю. тяжелый был день?»

«так себе»

«давай я тебя обниму»

Мои щеки вспыхивают, а губы расплываются в улыбке.

«ну обними» — разрешаю я.

Меня уже сто лет никто не обнимал. Не обнимал так, как я этого хочу. Оказывается, я еще умею хотеть. Может быть, я даже мечтать не разучилась? Когда-то мы с Сашкой... А что мы с Сашкой? Сашка плюс Наташка равняется... Ничему это уже не равняется. Наши отношения скатились к нулю. Мы давно уже ничего не хотим относительно друг друга. Делаем вид, что у нас все путем, ходим вместе в гости, совершаем все общепринятые ритуальные танцы: улыбки, проходы под ручку, и

синхронные демонстрации «а у нас с Наташкой до сих пор любовь». Однако на самом деле... Нашему браку недавно стукнуло двадцать. Это человек в двадцать молод и полон сил, а браки, они как домашние животные — редко какое дотягивает до такого преклонного возраста. И, как двадцатилетняя псина, наша личная жизнь не прыгает, не скачет, и не бросается с визгом встречать друга с работы, а, отвернув морду в сторону, тихо лежит на своей подстилке. Все давным-давно превратилось в рутину. Поэтому когда руки мужа касаются меня, я ничего не чувствую. То есть осязание у меня работает. Как и все остальные органы чувств. Но и только. Я ем, говорю, хожу, смотрю... слушаю музыку в машине и на работе — и даже иногда подпеваю... Болтаю по телефону, сплю... Я, по всей видимости, живая. Однако я не живу. Я просто существую. Функционирую. Как не новый, но вполне исправный механизм. Старый телевизор, например. С утра я отправляюсь на службу, потом являюсь домой и там занимаюсь тем, чего все от меня ждут: готовлю еду, обсуждаю новости, или просто валяюсь на диване, разбирая пасьянс. Однако в последнее время я стала задумываться: что, собственно, происходит с людьми после двадцати лет брака? И не просто брака, а удачного брака! Когда твоя жизнь и твой муж, несмотря на

выросший живот и убавившиеся волосы на голове — все еще предмет зависти подруг? И сегодня для других он привлекателен даже больше, чем во времена вашей молодости, потому как у вас то, что называется все люксы: новый дом, две машины, маленький, но вполне процветающий бизнес, и даже сын вроде бы не оболтус. И муж на пару секунд довольно нежно прижимает тебя к себе после того, как вы только что занимались сексом. Именно сексом, а не любовью — потому что невозможно называть любовью ЭТО действие: безвкусные поцелуи, и унылые двухминутные дежурные кульбиты под одеялом раз в неделю... или раз в две недели? Оказывается, я уже и не помню... но, в общем, где-то так. Нет, я вовсе не требую, чтобы Сашка устраивал мне кинематографические прелюдии с цветами, шампанским и лепестками роз на простынях, но... наша личная жизнь все сильнее и сильнее отдает суррогатом. Дешевыми блинчиками, которые, как утверждает реклама, нужно только разогреть — и все. А мы даже и не разогреваемся... к чему? Он и так знает, что у него все получится, а я... Мне кажется, уже все равно — потому что так же, как и эти грошовые кулинарные изделия, наши поцелуи и секс отдают дешевым эрзацем. У всего этого привкус бумаги и вываренного белья... Утешаться тем, что у других и этого нет? Слабый аргумент. У

меня две близкие подруги — и обе не замужем. От них свои ночные отношения на сайте знакомств я скрываю даже тщательнее, чем от мужа. В самом деле, сказали бы они, какого рожна мне не хватает?!

«а теперь я тебя поцелую»

«нет»

«почему нет? ты не любишь целоваться?»

Обычно мои собеседники ограничивались двумя-тремя дежурными фразами, и наш диалог быстро иссякал, но с Юрием я общаюсь уже неделю. Честно говоря, я влезла сюда только лишь из любопытства — да еще от этого проклятого дурацкого чувства, что в моей жизни что-то идет не так... Но я не думала докатиться до побегов из супружеской постели и ночных посиделок в кухне, чтобы неизвестно кто виртуально целовал меня... Почему неизвестно кто? Потому что пока мы ни разу не виделись вживую. И я не горю желанием это сделать. Подумав, я пишу:

«я люблю целоваться»

«я так и думал))))))))) ты не похожа на холодную женщину»

Я вообще уже ни на что не похожа. Мне сорок пять. Несмотря на обилие модной и дорогой одежды, у меня морщины, складки на животе, бока как у коровы и закрашенная седина. Но на фотографии я вроде еще ничего... правда, это фото пятилетней давности. И ко мне вполне применим

анекдот: возраст женщины можно определить по тому, в чем она больше нравится мужчинам: в туфлях, платье и очках, или только в очках и туфлях... и свое платье я снимаю, отвернувшись от зеркала. Я пробовала сидеть на диетах, но ни одна на меня не действует. В лучшем случае я ничего не набираю, а в худшем... все равно вес потихоньку прибавляется, и при этом мне постоянно жестоко хочется жрать, плюс бесплатный бонус — плохое настроение. Я знаю, что и нынешняя ситуация выглядит совершенно по-дурацки: я сижу в халате и тапочках в темноте, спрятавшись за холодильником, и пишу глупости неизвестно кому, но... мне нравится это делать! Нравится, черт возьми! Я хочу писать все это и получать в ответ:

«я тихонько подхожу сзади и целую тебя в шейку».

Я вздрагиваю и воровато выглядываю из своего убежища. В доме по-прежнему тихо — над моей головой в нашей спальне спит муж, а в самой дальней комнате — сын. Внезапно я задумываюсь над тем, что у моих незамужних подруг, которых я всю жизнь жалела именно потому, что у них была неустроенная личная жизнь, всегда были романы. В то время когда я спокойно мыла посуду, пекла пироги и пылесосила, они с горящими глазами бегали на свидания, плакали, смеялись... целовались где-то подворотнях, парках... пусть

даже и в чужих замусоренных подъездах, словно малолетки! Ну, а что же делала я? Влачила полусонное состояние, которое гордо именовала «у меня все удалось»? И что, интересно, у меня особенного удалось? У меня лично? Дом в престижном поселке в пригороде? Так он принадлежит не мне, а мужу — и это действительно так, я лично не вложила в него ни копейки и ни на что не претендую. Это он заработал деньги на участок и этот дурацкий современный особняк, вкалывая по шестнадцать часов в сутки в своей деревообрабатывающей мастерской наравне с нанятыми работягами, и даже больше. Потому что если бы мы продолжали жить на две свои чахлые бюджетные зарплаты, то до сих пор ютились в доставшейся нам от Сашкиных родителей, а тем — в подарок от Хрущева конуре, выстроенной еще в те доисторические времена, когда легендарный генсек сеял кукурузу и грозился штиблетом капиталистам. Теперь у нас двухэтажный дом — это не считая огромного гаража и кучи подсобных помещений в цоколе, и у каждого — по машине. Если честно, моя мне и на фиг не нужна — я боялась ее водить, но Сашка настоял. Это же так шикарно — подарить своей жене машину... особенно новую. Зачем? А чтоб была! И пусть она большую часть времени стоит в гараже, потому что я все-таки опасаясь ездить по городу в этой

громоздкой, и совсем не женской штуке, и выезжаю на ней в лучшем случае в ближайший магазин, а на работу добираюсь на маршрутке, или же он сам меня подвозит — однако факт наличия двух машин приятно греет Сашкино эго. Иногда мне кажется, что эти проклятые железяки, громоздящиеся в гараже как два бегемота, он как раз и любит... они вполне успешно заменили ему меня. Ладно, с нашим материальным положением все ясно — это заслуга мужа. А вот сыном я действительно могу гордиться по праву — Сашке заниматься его воспитанием было некогда. Заколачивать деньгу — непросто... но кто скажет, что легче вырастить нормального ребенка? Пусть даже и одного? Наше чадо не шляется, не колетя, и пока никто — тьфу, тьфу, тьфу! — от него не залетел. Учится на бюджете, что сейчас редкость...

«дай мне свои губы»

«нет!»

Я снова озираюсь, и краснею так, что даже становится жарко. Я понимаю, что это — большей частью игра, но...

«(-)) ты меня боишься?»

«я никого не боюсь»

«тогда почему?»

У меня наворачиваются слезы. Я хочу сказать, что я старая, толстая, и скоро перейду в разряд бабушек... но вместо этого пишу:

«я замужем»

Очень умно — отгородиться тем, что давно сквозит сплошными дырами...

«я понимаю. не бойся. я не из тех, кто разрушает. я просто буду рядом, хорошо?»

Вот теперь я плачу. Я не хочу плакать вот так — ночью, на кухне, когда нельзя даже включить свет и достать пузырек с валерьянкой из аптечки... потому что в темноте непременно что-то грохнется об пол... на нем сразу все бьется вдребезги, на нашем замечательном плиточном полу с подогревом. Сашка всю душу вложил в этот стеклянно-каменный дворец... а на меня у него уже ничего не осталось. Может быть, я сама в этом повинна? Но я знаю, что моей вины здесь нет... я старалась... соответствовала... терпела... подавляла в себе все инстинкты... не позволяла даже невинного флирта... да, наверное, все-таки я сама во всем виновата! Если бы я хоть раз реализовала упущенные когда-то возможности, то сейчас у меня был бы иммунитет. И к реальным, и к виртуальным поцелуям. Но я, дура, гордилась такой правильной и чистой собой... и чем все это закончилось? Я старалась быть во всем и всегда идеалом, а оказалась у разбитого корыта. Развалившегося на части от того, что я слишком много времени уделяла семье... готовила... убирала.... Вылизывала каждый уголок...

воспитывала ребенка сама, не доверяя бабушкам, няням и всяким там малограмотным воспитательницам. И, вместо того, чтобы как мои подруги, уделять больше внимания своей личной жизни и внешности, я играла с сыном в развивающие игры, а потом проходила с ним заново почти всю школьную программу. И я ни о чем не жалею... или же все-таки жалею?

Я знаю, что завтра утром у меня будут заплавленные глаза, омерзительные мешки под ними, и набрякшие веки... но мне уже все равно... все равно! И я плачу... реву отчаянно... слезы капаят на халат, и в вырез, где под ночной рубашкой находится все то, что уже не соблазняет мужа, когда мы занимаемся любовью... нет — какой там любовью! Просто спариваемся, как животные... или как говорит моя подруга — проводим постельный тренинг — для здоровья — и в темноте. Конечно, зачем ему нужна моя грудь — она уже изрядно провисла; или трехъярусный живот, которого я стесняюсь даже в собственном саду, и стараюсь прикрыть футболкой. Они не могут конкурировать с блестящей «тойотой», которую он так любовно оглаживает тряпочкой, что даже смотреть не хочется! Мне кажется, если бы еда и чистые рубашки появлялись в нашем доме каким-то волшебным образом, никто бы и не заметил моего отсутствия... я им не нужна... ни Сашке, ни даже

сыну... давно не нужна...

Мои слезы из сладких, любовных, давно стали горькими... ядовитыми... они словно прожигают дорожки на коже. Я судорожно запахиваю ворот и уже откровенно рыдаю... не заботясь о том, чтобы никого не разбудить. И мне плевать, что сцена появившемуся зрителю покажется очень странной: почему я так горестно плачу здесь, в углу, ночью, с ноутбуком, на темной кухне? Но никто не приходит, никто не задает никаких вопросов. Никто не утешает. А я сейчас действительно нуждаюсь в утешении. У меня такое чувство, что только помани...только пообещай мне настоящее, и я сорвусь. Я могла бы выйти из дому прямо сейчас, поймать машину, и поехать... или даже пойти пешком к этому самому Юре... и пусть бы все случилось прямо сейчас! Однако он, скорее всего, врет, что одинок. Он сам сидит с компом на кухне, а за панельной перегородкой спит жена. Такая же точно как я. Или даже хуже. Толстая баба с небритыми подмышками и отвисшими щеками, постаревшая раньше времени от базаров, абортот, стирок и огородов, которые все почему-то гордо именуют дачами... Она храпит, как уработавшаяся за день коняга, а он сидит и пишет... «давай я тебя обниму»! И, скорее всего, я у него не одна, такая дурища... Я утираюсь поднятым с пола и давным-давно завалившимся в этот угол кухонным

полотенцем, отвратительно пахнувшим прогорклым маслом, и, мысленно схватив себя, идиотку, за шиворот, выхожу из Сети. Я не прощаюсь. Мне так больно, что я даю себе слово — завтра меня здесь не будет.

Завтра наступило. Оно было точным повторением вчера. Только, может быть, за исключением того, что я не плакала. И, когда прощалась, написала «целую».

Линия 1

«привет. это я»

Я тяну лыбу до самых ушей... я даже чувствую, как губы встречаются у меня на затылке. Кто сказал, что понедельник — день тяжелый? У меня выдалась такая неделька, что мама не горюй! А теперь, когда я уже немного успокоилась, ты вдруг нашелся! В ответ на несколько робких улыбок: «)))», я набираю тебе не попадающими в клавиши пальцами этот волшебный пароль:

«привет. это я».

Хорошо, что в этот момент ты меня не видишь...

«ты улыбаешься?»

Еще как улыбаюсь!!! Мне хочется орать, выть, визжать, прыгать по комнате, целоваться с Танькой... слава богу, ее нет, а то бы моя соседка

подумала, что у меня напрочь снесло шифер!

«ты не сердишься?»

Конечно, я сержусь. Разумеется! Всю неделю меня так корежило... Было все — от ярости, когда хотелось рвать подушку зубами, до тихо-дебильного, безразличного ко всему пофигизма. Но в данный момент я улыбаюсь блаженной улыбкой — так, наверное, улыбаются ангелы в небе, видя, как их подопечный ребенок внизу послушно доедает кашу. Вообще со мной сейчас творится что-то непонятное — кажется, ко всему прочему я еще и расплачусь прямо здесь, сейчас... перед сияющим молочным светом экраном... Пока я сижу в своей блаженной прострации, появляется еще несколько фраз:

«уезжал»

«там не было сети»

«почему ты молчишь?»

Разве существует сейчас какое-нибудь место на Земле, где нет Сети? Я молчу оттого, что не знаю, что тебе ответить... Хочется спросить тебя обо всем сразу... но я никогда так не делаю... может быть, просто не умею?

«тебе со мной неинтересно?»

«нет»

Такой ответ вдруг перестает меня устраивать, потому что ты можешь истолковать его, как тебе заблагорассудится, поэтому я быстро спрашиваю:

«что ты любишь в жизни больше всего?»

Я понимаю, что это банальность, но, по-видимому, это как-то цепляет тебя, потому что ты довольно долго думаешь, а потом выдаешь огромный список... я читаю его, и меня распирает всю, наполняет каким-то веселящим газом, и я становлюсь как воздушный шар, которому пора в небо. Воздушный шар, наполненный теплом... какой-нибудь исполинский медведь-панда, или корзина цветов — я просто ощущаю себя громадой, рвущейся с поводка. Я видела такие шары как-то по телику. Там были даже шары в виде автомобилей или огромных банок колы... но я никак не банка с колой — какая пошлость! — нет, я все-таки панда... Наверное, потому, что я всегда такая — черно-белая... незагорелая кожа, черные очки на бледном, совсем без косметики лице, а когда я снимаю очки, под ними такие же зеркально-черные глаза... и темные волосы... и черный свитер... Я перестаю таращиться на себя в ночное окно и мой взгляд упирается в середину списка: «...читать книги...» Странно: кто в наше время любит читать книги кроме меня и?...

«какие книги?» — нетерпеливо спрашиваю я.

«любимые. я их перечитываю по многу раз»

Ну, это правильное решение Я сама перечитываю свои любимые, старые бумажные книжки постоянно... жаль, что таскать их с собой с

места на место так тяжело... когда появятся лишние пенёны, я куплю себе читалку... это так приятно — носить в рюкзаке всю районную библиотеку... весь мудрый мир, надёжно упакованный в системе один-ноль, как доходчиво объяснил мне когда-то знакомый программист.

«а сегодня что читал?»

«Маркеса. «Сто лет одиночества»

Этого не может быть!.. я скашиваю глаза на старенького темно-синего Маркеса, книгу, которая принадлежала еще родителям, прежде чем стала моей. Я тоже сегодня ее читала... я всегда хватаюсь за нее, как за спасательный круг, когда мне плохо... или слишком хорошо. Поэтому я знаю ее почти наизусть.

«а что ты делал там, где нет сети?»

«бабушку друга хоронил. это далеко и надо было помочь»

Так... все понятно... напрасно я задала этот вопрос. Мне немного стыдно... и что говорят в таких случаях?

«мне очень жаль L((((и твоего друга, и его бабушку»

«знаешь, хоть и не родной человек, но...((((тоже очень жаль((((»

Я тут же вспоминаю о собственной бабуленице, которая наверняка дома уже чего-нибудь сварганила для меня — не носки, так

свитер. Она иногда вяжет свитера... только это долгий процесс. И свитер получается такой теплый и толстый, как будто выкроен из одеяла. Бабка ужасно гордится получившимся результатом, хотя свитер весит как средневековая кольчуга и рукава у него плохо гнутся. Она так радуется, когда я примеряю эту жуткую штуковину, и язык не поворачивается сказать, что его нельзя будет надеть ни под одну куртку. У меня имеется уже два таких артефакта — в них можно спать на снегу прямо на Северном полюсе. Я держу их в шкафу, на радость моли, но никогда не надеваю — некуда, да и незачем... Общага наша хоть и не старая, как та, в которой я жила прежде, и где были такие огромные чугунные батареи, что на них можно было сушить разом пятьдесят пар труселей, но тоже вполне теплая. По крайней мере мы с Танькой не зябнем — зимой даже форточку открываем иногда. В институте же никогда не бывает холодно — или просто это я сама не склонна мерзнуть? Я на минуту задумываюсь над особенностями своего организма, когда меня настигает вопрос:

«ты учишься?»

В данный момент я явно бездельничаю. Курсовуху, с горем пополам я все-таки из себя выдавила, и даже получила зачет — наверное, исключительно благодаря прошлым заслугам... а может препод меня пожалел. Сюжет был так себе,

вымученный, диалоги никакущие, но развязка... да, развязка мне определенно удалась! Я удовлетворенно хмыкаю — и мою голову иногда посещают счастливые мысли. Так что, пожалуй, свой зачет, а с ним вместе и стипендию, я заслужила. Экзаменов я не боюсь... Теперь я уже ничего не боюсь! Я снова улыбаюсь... я свечусь как лампочка Ильича все время, пока стучу по клавише, и отвечаю на твои вопросы... и задаю свои... такие же немудрящие, но очень важные... потому что я тоже хочу знать о тебе ВСЕ.

Линия 3

*В ковчег не допускают одиночек,
И мы с тобою в гости к десяти приходим с
тортиком.
Нас некому спасти.*

Вера Полозкова

— Ради бога, Зоя, ты же взрослая девочка... сама должна понимать! Кто сейчас регистрируется на всех этих сайтах знакомств?

Разумеется, я взрослая девочка — мне уже сороковник, как и моей закадычной подруге Юльке,

с которой мы еще в школе сидели за одной партой — а теперь гребем в одной лодке под названием Одиночество. Этот утлый челн настолько переполнен такими же дурами, как мы с Юлькой, что вот-вот пойдет ко дну. Однако он покамест держится... и его даже иногда прибывает к берегу — впрочем, не всегда гостеприимному. А что бы вы хотели в таком возрасте? И с таким образованием? Наверное, мы слишком умные... или многого хотим от этой жизни, где на сайтах знакомств сплошь и рядом под личинами холостых, жаждущих обрести свою вторую половину как бы мужчин, и даже местами как бы симпатичных, зарегистрированы различного рода опилки общества. Самый распространенный из всего этого разношерстного сброда тип — это жаждущие немудрящих половых приключений от родного дивана и давным-давно опостылевшей половины. Эти, незамысловатые как хозяйственное мыло, хотя бы не слишком шифруются, и на вопрос «Состоите в браке?» отвечают честно: «Пока да» или «Кому это мешает?» С такими проще. С ними можно прошвырнуться на чью-нибудь заброшенную дачку, или сходить куда-нибудь потусоваться, в не слишком людное и дорогое, но приятное место. И они закажут по мороженому и по сто коньячку, и не станут трахать твой килограмм серого вещества, надежно скрытый под тщательно прокрашенными

перед свиданием волосами, уже увядающей кожей лица с расширенными порами и ранними морщинками... также скрупулезно заштукатуренными и запудренными — а ограничатся вполне традиционным сексом. Впрочем, этим лысеющим самцам с шестимесячными пивными животиками, и избытком тестостерона, который просто распирает штаны, не до твоих волос, глаз, ресниц, свежесвыщипанных бровей и гладко выбритых ног. И тем более не до твоего расширенного высшим образованием интеллекта. Они сразу же начинают лапать тебя, еще там, в кафе. Их привлекает только одно... то, что уже давно не прельщает в собственной жене, которую все они без исключений высокопарно именуют «супругой». Впрочем, и ты сама перестаешь быть интересной и загадочной после двух-трех свиданий: редко кого из них хватает на длительную связь — скажем, на год. У меня был один такой... и я даже надеялась, что он уйдет от своей похожей на плотно набитый опилками мешок, к которому приставлены рояльные ножки супружницы ко мне: ухоженной, с немного заплывшей, но пока еще существующей талией. Однако он меня что называется поматросил и бросил... наверное потому, что я все-таки неисправимая романтическая дура, ждущая от жизни неизвестно чего... Вот Юлька намного

практичнее ... хотя и с ней время от времени происходит то же самое. Однако она, в отличие от меня, похоже уже не питает никаких иллюзий относительно того, что называется «личная жизнь». Да и есть ли она, эта самая личная жизнь после сорока, или это досужие выдумки организаторов сайтов знакомств?

— ... сама знаешь, там только одни сексуально озабоченные, придурки со словесным недержанием — они же импотенты, извращенцы, маньяки, уроды, не умеющие даже дезодорантом пользоваться, и ни одного порядочного человека! — бурно заканчивает свой эмоциональный спич моя подруга. — Да и откуда они там возьмутся, нормальные?! — спрашивает она несколько громче, чем приличествует в общественном месте, и на нас начинают коситься от соседних столиков.

Юлька презрительно фыркает, достает сигареты и картинно закуривает от мелодично щелкнувшей фирменной «зиппо» — мадам обожает внешние эффекты. Я отношусь к категории как бы некурящих, но после выпитого вина меня также тянет к пачке. Подруга небрежным щелчком вышибает мне сигарету, и я с наслаждением втягиваю ментоловый дым.

— Мне замуж — нафиг нужно... чтоб храпело какое-то чучело под боком и свои вонючие носки

под кровать швыряло! — она никак не может успокоиться после воспоминаний о некоем разочаровавшем ее до шокового состояния типе. И пусть это было несколько лет назад, при одном только упоминании о нем Юлька просто звереет. А тут мы еще и встретили его на улице по пути сюда. Да вдобавок с дамочкой лет тридцати под ручку!

— Мне для здоровья надо, сама понимаешь... и чтобы не думать каждый раз, подхватчу я что-нибудь от любовника, или пронесет. Так что мне женатые как раз подходят... но чтобы ко мне, извините, жрать приходиться! А потом спать до обеда! Нафиг, нафиг... — Юлька воинственно машет сигаретой, и дым над ее головой свивается в некие письмена.

«Мене, текел, фарес» — «отсчитано, взвешено...» и так далее. Я знаю, что все это про нас. Это именно нам написано на роду, отмерено некем или некоей субстанцией... мы попали в процентовку, в отсеv, который неизбежно есть в любом деле... Мы с Юлькой неликвиды.

— Можно, конечно, попробовать на международный уровень выйти, — рассуждает она, небрежно помавая бокалом красного в опасной близости от своего новенького пальто, — но...

— Я — пас, — быстро вставляю я.

— Но чем иностранный придурок лучше нашего? — резонно вопрошает она, развивая мысль

дальше. — Только тем, Зоенька, что он сможет тебя обругать, а ты ни хера не поймешь!

Мы — дамы интеллигентные. Наши родители-инженеры вовремя спохватились и выучили нас нужным специальностям: Юлька аудитор, а я бухгалтер. Хотя сейчас бухгалтеров развелось как собак нерезаных, но мы освоили эту профессию, когда на нее был еще бешеный спрос. Кроме того, я бухгалтер с большим опытом... и данное мне строгое воспитание пока даже кое-где отсвечивает, несмотря на все превратности судьбы. Однако когда мы с Юлькой выбираемся по пятницам в какую-нибудь кафешку, оттянуться и обсудить наболевшее, среда обитания берет свое: мы выражаемся свойственным всей этой субкультуре слогом, а не высокопарными оборотами, которые хороши только в Сети, чтобы производить впечатление на особей противоположного пола... да и там они не всегда бывают к месту.

— Тут я всегда к тебе могу свалить, если что, а в этой Финляндии-х...ляндии, к примеру, куда я пойду? В приют для бездомных морских свинок?

Да, конечно. В течение краткого Юлькиного замужества, случившегося лет десять назад, она раз в месяц неизменно прибегала ко мне ночевать, тяжело переваливая через порог огромные чемоданы, доверху набитые тряпками, косметикой,

бытовыми приборами, лекарствами, и даже любимыми чашками и пепельницами. То есть всякий раз она давала мужу понять, что покидает его навсегда. Чтобы он испугался, и заценил то, что может так легко и глупо потерять. Но, наверное уже тогда на нашу с ней долю остались одни маньяки и бесчувственные придурки... и от своего она все-таки ушла насовсем года через полтора, не выдержав счастливой семейной жизни... а я вот даже и не попробовала.

— Я тут в инете одну историйку нарыла... ну жуть жуткая просто! Одна девица счастливо отчалила и не куда-нибудь, а прямо в Англию. Кажись, чего еще хотеть? Тут тебе и Европа, и развитой капитализм... Тем более, мужик был непьющий и даже, по-моему, некурящий... но жмот при этом патологический. Ну, поэтому и непьющий-некурящий! — сделала логический вывод Юляха — аудит в ее жизни везде проходит красной ниткой.

— Да, так значит мани он ей на руки не давал, все расходы проверял похлеще, чем мы с тобой годовой отчет... цеплялся ко всякой мелочевке типа зачем тебе каждый месяц прокладки, или к чему эти ненужные расходы на жвачку?.. Ее ж глотать нельзя! Да, и жрали они там одну дешевку из фаст-фуда... но даже не это главное. Климат ее просто задолбал. Постоянные дожди, сырость,

холод, руки-ноги ледяные, нос течет... — Юлька, для полноты картины, выразительно шмыгает. — А этот скопидом температуру в доме держал все время не выше четырнадцати градусов... При этом на улице почти круглый год — пять грёбаных цельсиев — ветер, дождь... домой придешь — и там тоже как в подворотне! Она пишет, что ее все время трясло — никак не могла согреться, даже в постели с этим... этим...

— Мудаком, — подсказываю я.

— Точно! — Юлька с размаху ставит бокал на стол, и, вчувствовавшись в собственное повествование, ежится и запахивает пальто. Пальто роскошное: белое, кашемировое — стиль и качество как говорится, налицо. Аудит — тонкая штука, мне до него никогда не вырасти. У подружки замечательные мозги, и ее услуги оплачиваются соответственно. Она давно купила себе квартиру, утверждая, что личной жизни в одной норе с предками нет и быть не может в принципе.

— Короче, ей пришлось в наше посольство идти, чтобы обратно попасть. У нее денег не то что на самолет — на автобусный билет в соседний супермаркет не было... а мы тут мечтаем... о кренделях небесных... — Юлька поджимает ноги в фиолетовых сапогах под столик и смотрит вдаль дивными очами глубокого фиалкового цвета. Тонированные линзы — недавнее ее увлечение.

Она подбирает глаза к гардеробу, как некоторые подбирают шарфики.

Бабье лето в этом году, наверное, уже пятое по счету. Природа, отправив все дожди, туманы, а до кучи и слякоть с моросью в тот самый далекий Альбион, где так мучилась от холода незадачливая жертва Гименя, одарила нас приветливой и солнечной осенью. И поэтому мы сидим за столиком прямо на улице, потягиваем винишко, лениво качаем ножкой, и смотрим, как стекает вниз, к центру, нескончаемая вереница машин... Наверное, это улица с односторонним движением, — догадываюсь я. Авто едут только вниз, и никто — против течения. Река красных огоньков... Желтые листья планируют на полосатую маркизу, бесшумно соскальзывают нам под ноги... Их утягивает ветром туда же, куда и машины — вниз по улочке. Люди едут: кто домой, кто — на дачу... грядут выходные — суббота и воскресенье... терпеть не могу выходные. Потому что у меня нет ни дачи, ни того, с кем бы я сейчас ехала куда-нибудь — все равно куда... Да и дома, в который хотелось бы возвращаться, у меня, по большому счету, тоже нет: в одной комнате родители, а через стенку — я... стареющая, сорокалетняя... которая тоже скоро начнет ставить себе клизмы от запоров, пыхтя стричь пористые картонные ногти на ногах, и долго и мучительно

откашливаться по утрам.

Линия 4

Чеширский Кот: Серьёзное отношение к чему бы то ни было в этом мире является роковой ошибкой.

Алиса: А жизнь — это серьёзно?

Чеширский Кот: О да, жизнь — это серьёзно! Но не очень...

Л. Кэрролл. «Алиса в стране чудес»

— Господи, Сережа, она же не понимает, что все это не игрушки, а взаправду!

Меня буквально колотит, а муж смотрит так странно — как будто видит меня впервые в жизни! Понимаю, вид у меня еще тот: встрепанная шевелюра, заплаканные глаза, на колготках расползлась огромная дырища — не помню даже, где и зацепилась... Наверное, когда влетала в двери этой проклятой консультационной клиники. Я помчалась на другой конец города сразу же, как только Маргошка мне позвонила, и... сообщила о том, что беременна! И не просто беременна — это было бы еще полбеды, но беременна уже двадцать четыре недели. Черт, двадцать четыре недели!! Если разделить на четыре... это что ж получается?! Шесть месяцев... полгода... А он стоит и просто смотрит!

— Лара, я все понимаю... — муж тяжело вздохнул и сел. — Давай думать будем...

— Сережа, что тут думать?! И когда? Времени уже совсем нет!

Дочь заперлась у себя в комнате и сидит тихо, как мышь... дрянь, дрянь!! Проститутка!!!

— Ну почему же времени нет... я так понимаю, у нас впереди еще целых три месяца...

— Ты о чем? — я с размаху плюхаюсь на табуретку — ноги меня давно не держат, но сесть я догадываюсь только сейчас. Как говорится — жизнь бьет ключом! И все по голове!

— Ребенок ведь уже никуда не денется, так? Он уже существует? Поэтому давай смотреть на все конструктивно...

Он говорил и говорил, как заведенный... приводил какие-то экономические резоны, рассуждал о человеколюбии и о том, что всем свойственно делать ошибки, особенно молодым и неопытным девушкам... Он болтал и болтал, будто вещал с кафедры перед своими студентами, а мне хотелось выть... и не просто выть, а свалиться кулем на пол, и колотить руками и ногами, сметая все вокруг... и орать... и плакать... и кричать о том, как они все меня достали... все!.. Муж... который только и умеет, что рассуждать своим хорошо поставленным и нарочито вежливым голосом, и дочь, ради которой я не досыпала... работала

урывками где попало... не сделала карьеры — потому что таскалась по больницам и санаториям — у детки были то сыпь, то аллергия, то цистит, то холецистит... а вот теперь на мою голову свалилось еще и это! Но я сильная баба. Я сцепила зубы и не впала в истерику, не грохнула об пол все эти недопитые чашки со вчерашней заваркой, грязные сковородки и тарелки с присохшей яичницей, которые в моей замечательная семье мою только я... несмотря на то, что работаю точно так же как этот разглагольствующий напротив субъект... почему, спрашивается, этого не делает Маргошка?! Пятнадцатилетняя дрянь, которая таскается неизвестно где и с кем, и боится испортить не репутацию, а свой маникюр! Я изо всех сил сжала челюсти... у меня уже такие накаченные лицевые мышцы, что зубы сжимаются как у гиены. Мне так часто приходится тренировать их, что теперь, наверное, я могу перекусывать железные прутья. И все — благодаря им. Моим родным и близким. Из-за наличия которых в свои неполные сорок вдруг начинаешь задумываться: а такая ли заманчивая штука для женщины — замужество? Если бы я не поторопилась, не выскочила сразу после института, то сейчас могла бы даже сделать карьеру — у меня ведь были прекрасные задатки! Я бы не сидела на жалкой должности художественного редактора в журнальчике

десятого разбора, каких сегодня расплодилось как планктона в луже. К тому же художественным редактором я только числюсь, а на самом деле я там попросту за все про все: и верстальщик, и дизайнер, и даже курьера при случае заменить могу! Если бы в моей башке было поменьше вдолбленных с малолетства стереотипов, например что «девушка должна непременно выйти замуж», то я могла даже заняться бизнесом... или вести образ жизни вольных стрелков, как некоторые из моих однокашников, закончивших наш Худпром... Словом, я могла бы жить — не тужить в свое удовольствие! Во всяком случае, беременной пятнадцатилетней дочери у меня точно бы не было...

— Вот, выпей...

Мой благоверный заботливо совал мне под нос какую-то вонючую дрянь... и вот тут уже я не выдержала. Я ударила его по руке, вымещая весь проклятый сегодняшней день, всю мою неудавшуюся жизнь: мямлю-мужа, который уже лет двадцать пишет диссертацию, тема коей устаревает быстрее, чем он успевает ее раскрыть... никчемную работу... отросшие волосы, которые всегда некогда вовремя закрасить, и ходишь, как старая бабка, светя рано поседевшей макушкой, и утешаясь призрачной иллюзией, что это не очень заметно... лишние кэгэ, почему-то выпирающие именно тогда,

когда едешь в отпуск и покупаешь новый купальник... в котором ты как дура на пляже — потому что у тебя уже нет фигуры — той самой, какая была до родов... пока я не произвела на свет свою кровиночку... идиотку, забеременевшую в пятнадцать лет! И муж, конечно же, делает вид, что нежно мажет тебе спинку кремом для загара, а сам, пользуясь тем, что ты лежишь уткнувшись носом в грязный, полный окурков и пивных пробок песок, исподтишка рассматривает соседок справа и слева... молодых, ленивых, не обремененных никакими отношениями, а заодно талантами и интеллектом, но зато с втянутыми подмышками и поджарыми ляжками, идеально загорелых, без белых полосок в складках живота и нависающих над ляжками лифчика валиков жира... да они и лифчиков часто-густо не надевают!.. зачем — грудки у них стоят торчком, они не стремятся родить сразу после замужества, да и замуж выходят только в крайнем случае... по залету... такому как у моей доченьки — подумать только — двадцать четыре недели! Но ее кто возьмет замуж в пятнадцать лет?! Отправить бы ее к этим — они быстро вправили бы ей мозги, рассказали, что свободной быть интересней и выгодней... А муж все пялится на этих похотливых взглядах — но им он неинтересен... черт побери, да и мне он скоро

станет по барабану, если честно! Если он будет и дальше продолжать так по-свински себя вести по отношению ко мне, то... Я вдруг поймала себя на мысли, что не знаю, зачем мы живем вместе, спим в одной постели, разговариваем на какие-то затхлые темы... сто лет мы не обсуждали ничего по-настоящему важного и интересного! Мы живем по инерции... катимся куда-то... не в пропасть, нет... просто в тупик. Да, именно в тупик! А теперь еще, для полноты картины наступившей семейной разрухи наша дочь родит младенца... но все мы, конечно, будем делать вид что счастливы этим событием — а соседи будут исподтишка тыкать в нас пальцами. Она же повозится немного, как с новой игрушкой, и вернется к прежней жизни: подружки, дискотеки, поздние возвращения... запах сигарет от волос... невинные глаза: «что ты, мама, я не курила!». Да лучше бы она курила! Подумаешь — курила! Это со сколько же лет она трахалась со всеми этими прыщавыми юнцами, чтобы в пятнадцать оказаться беременной?!

Рюмка полетела в сторону, жидкость выплеснулась на стены вместе с волной тошнотворного запаха... откуда у нас в доме это взялось?! Окаянная посуда не разбилась, а с дребезжанием покатила в сторону... и я долбанула по ней каблуком... но этому стеклу было пополам... всем все было пополам... Сереге...

Маргошке... почему, почему я одна всегда должна выгребать за всеми дерьмо?!?! Готовить, а потом мыть посуду после унылых пьянок, которые почему-то называются семейными праздниками, сочинять, как выкрутиться на две нищенские зарплаты, бегать по распродажам, украдкой, под презрительными взглядами продавщиц класть в тележку уцененные фрукты, приклеивать на место оторвавшийся кусок линолеума, на котором уже сто лет как не видно рисунка и протоптаны дорожки — наши семейные тропы: диван-телевизор-холодильник... А теперь еще на меня свалится ЭТО — внук, который вполне мог бы быть моим сыном. Мне он не нужен, этот ребенок... и моему мужу не нужен... ему вообще все пофиг, кроме воскресных рыбалок, сидения в углу у своего компа, и чтобы его не трогали... и это всех устраивает, даже меня. Даже меня! Потому что я устала, устала, устала от всего! Я внезапно успокоилась. Даже если моя debilка-доченька и считает, что должна родить этот плод своих походов, она несовершеннолетняя. И решать за нее буду я.

Линия 2

«радость моя, ты где?»

В семье уже привыкли к моей «упорной

бессоннице». Я, сделав безрадостный вид, даже посетила врача и купила снотворное. Потому что Сашка все-таки вышел как-то среди ночи на кухню, и застал меня с ноутбуком. Хорошо, что я уже перестала подозрительно забиваться за холодильник, и вполне пристойно сидела за столом. Я успела закрыть окно со своим виртуальным романом, и на экране повис недоразложенный пасьянс. Сердце мое колотилось, но прерывистый вздох получился вполне натуральным:

— Вторую ночь не могу уснуть...

Может, если бы он обнял меня, согрел свои теплом, сказал мне на ухо все те слова, которые я украдкой, словно воровка, читала с экрана, я никогда не решилась бы пойти дальше... Но ему было все равно. Что ему до меня! Даже здесь он появился не потому, что меня не было рядом, а лишь затем, что его мучила жажда. Муж равнодушно мазнул по мне взглядом, зевнул, набулькал из бутылки минералки, и только выпив ее, спохватился:

— Наташ, может этого... как его... персена? Ну, помнишь, тебе прописывали?..

— Пила уже...

Врать надо умеючи. Если бы он захотел дать мне таблетки, то мне пришлось бы объяснять, что я их сто лет не видела... и не знаю, есть ли они вообще у нас в доме. Но он больше ничего не

спросил. Он устал за день, и ему хотелось спать. Однако мой Сашка привык, чтобы его имущество было под боком... поэтому все не уходил, топтался рядом и ждал, что я пойду ним наверх. Может, зря я так обижаюсь на мужа? Вообще, он у меня заботливый... но слишком спокойный. Медлительный. Рассудительный. Немногословный. И... неласковый. То есть он вполне ласков со мной в постели, но... Все происходит молча. А мне, оказывается, нужно чтобы мне говорили. Какая я замечательная. Что у меня хорошая фигура. Нежная кожа. Красивые руки. Стройные ноги. Чтобы мне на ухо шептали все те словечки, которые мой муж считает ужасной пошлостью: зайка, птичка-синичка, кошечка... Если бы он хотя бы раз в жизни сказал мне: «солнышко мое», быть может... Однако для него это — невозможно. Запредельно. Нереально. Сашка никогда такого не говорит. Не умеет. Когда-то мне это даже нравилось. Или я считала, что это — его достоинство, потому что в то время видела в нем одни лишь совершенства. Потом я привыкла, и не требовала большего, чем он мог мне дать. И только теперь это почему-то стало мне необходимо, как воздух.

Линия 5

«А двое не спят, двое сидят у любви на игле»

СПЛИН «Двое не спят»

«привет, моя радость»

«и тебе не хворать, добрый человек»

«ты еще не спишь?»

«а ты сам как думаешь?»

«а я вообще не думаю. я просто радуюсь тебе»

«да уж. радость редко идет рука об руку с логикой»

«ты так считаешь?»

«а ты никогда ничего не считаешь? не подсчитываешь? и не любишь расчетливых? не бойся, я ничего у тебя не попрошу»

«проси что хочешь!»

«а что ты готов мне отдать?»

«счёты для счета — если ты действительно умеешь считать. знаешь, у меня есть такие, антикварные, с деревянными костяшками. даже если ты не умеешь ими пользоваться, на них очень удобно кататься с горки. или на стену повесишь. сейчас модно вешать дома всякую хрень. короче, бери по ходу, пока я щедрый!»

«))))»

«ну вот, ты мне и улыбнулась. как день? все нормально?»

«тебе действительно это любопытно? и что тебе Гекуба?»

Мне интересна эта женщина, которая сидит сейчас перед экраном где-то далеко. Я чувствую, что она неординарна. На мои стандартные, нарочито банальные фразы она отвечает как-то очень по-своему — жестко, хлестко, и совсем не по-женски. Безо всякой рисовки и позы. И с каждым днем, вернее вечером, мне это нравится все больше и больше. Но мне, разумеется, совершенно наплевать, как прошел у нее день. И что она делала там, на своей работе: лечила, заполняла накладные, продавала колбасу, или что еще. Потому что в это время она, моя нестандартная ночная визитерша, была не со мной. Не думала обо мне, не смотрела со смутной улыбкой как проявляются строчки на прямоугольнике экрана, а деловито мерила температуру или стучала по клавишам калькулятора, или несла морковь с рынка, вспоминая по дороге, правильно ли ей дали сдачу, и не обвесили ли ее...

«конечно, мне все о тебе интересно» — заверяю я, и хмыкаю.

Я-то знаю, как много значения они придают словам... ну что ж, это у них в крови. Им, наследницам Евы всем без всякого исключения нужно, чтобы их постоянно уверяли, какие они прекрасные... гладили по шерстке. Шоколадкой их не корми, только скажи ласковое слово! Тогда они сразу становятся как шелковые. Все: старые и

молодые, красавицы и уродины, покладистые и неуступчивые. Даже такие ершистые, как моя ночная визави. Как говорится, ласковое слово и кошке приятно... Интересно, сколько времени уйдет, чтобы она стала есть у меня с руки? Хотя я не любитель проделывать подобные эксперименты с полом, который считает себя прекрасным — но... Я снова хмыкаю и кручу головой, прикидывая — а не пора ли завершить сегодняшнюю словесную дуэль и отправиться спать? Вежливо дать понять, что на сегодня я сказал ей все. Если честно, я устал... тяжелый был день, да и вечер не лучше. Однако именно ЭТА женщина все больше интригует меня — есть в ней что-то... Наверняка за ее нарочитой грубостью таится чистое выражение глаз, и еще нерастраченная свежесть. И нежность, о которой, возможно, она и сама не подозревает. И когда временами мне удастся пробить эту скорлупу, в которую она сама себя заточила, она отвечает на мои вопросы прямо, чуть по-детски, безо всех этих псевдогламурных выкрутасов, от которых у меня просто зубы сводит: «весь день бегала по бутикам, искала себе шубу, но меня ничего не устроило — везде тааакой китч»... или «сегодня так устала, включила Шуберта и плакала... плакала... и хотела, чтобы меня хоть кто-то утешил». Бывали, чего греха таить, у меня и такие манерные дамочки, но долго не задерживались. И не потому что я не

выношу Шуберта. Более того — я никогда его и не слышал, несмотря на вполне счастливое интеллигентское детство. Просто с Шубертом и прочим классическим наследием у нас в семье как-то не срослось... Моя маман до сих пор носит как угорелая, запихивает свою необъятную задницу в джинсы и слушает рок — не потому ли меня — то самое яблочко, упавшее неподалеку от яблони, так воротит ото всех этих кривляк, перезрелых девочек с сюсюкающими голосками неземных созданий? Но та, с которой я общаюсь сейчас, явно не из их породы. И пусть кое в чем она даже излишне бесхитростна, почему-то мне с ней хорошо... Или я сам себя снова обманываю? Потому что мое сердце уже слишком давно свободно, и меня тянет найти то, чего в природе не существует? Скорее всего, я уже начал приписывать ей несуществующие достоинства, и упорно не замечаю недостатков... Не признак ли это того, что я снова готов влюбиться в кого ни попадя? Лишь потому, что за окном сыро, слякотно, и так хочется тепла рядом. Человеческого, а не от китайской масляной батареи. Сам не зная зачем, я предлагаю:

«давай завтра сходим куда-нибудь?»

Действительно, а почему бы и не сходить — ведь мы живем в одном городе? Может быть, даже рядом. Заодно и взгляну на нее трезвым взглядом, проверю, что мне там померещилось... Скорее

всего, ничего в ней особенного и нет. Просто очередной ноябрь виноват в том, что я ищу неизвестно чего.

Она не отвечает так долго, что я успеваю выкурить сигарету. На улице упоительно пахнет осенними листьями, к терпкому аромату которых примешивается дым... Запах поздней осени и... одиночества. Для конца осени еще довольно тепло — наверное, это последнее тепло в этом году. Потом заждит, и дворники больше не смогут жечь листья... они будут лежать мокрые, потускневшие, и пахнуть от них будет уже совсем не так пряно и остро, а прелью и погребом. Я возвращаюсь с балкона в комнату, а на экране не прибавилось ни строчки. Ушла? Это вряд ли. Пьет чай? Кофе? Вышла с собакой? Ругается с мужем? Так же, как я курит на балконе и вдыхает запахи ночного города? Что еще можно делать в час ночи? Я теряю терпение, и уже протягиваю руку к кнопке, чтобы выключить ноут, когда экран наконец выдает:

«я пока не готова»

«а когда ты будешь готова, радость моя? я тебя не тороплю, нет. но просто погода такая хорошая, что можно погулять где-нибудь»

«я сама тебе скажу. потом. если еще пригласишь»

Ну вот! «Я тебя поцелую... потом... если

захочешь!». «Здравствуйте, я ваша тетя!» А не переодетый ли это мужик, развлекающийся таким незамысловатым манером? В Сети кого только не встретишь... Но все же, чтобы не обижать собеседника, я пишу:

«я буду ждать. и напоминать тебе изредка, хорошо? просто, чтобы ты не забыла»

«договорились»

Вот так. Просто «договорились», и все. Никаких тебе «спасибо за приглашение», или «очень рада»... Точно, мужик! Сидит, небось, и ржет сейчас как упоротый! Я с треском захлопываю крышку своего старенького ноутбука, как будто это он виноват в том, что я пристрастился к ночным беседам в Сети. Что ни говори — каждый из нас сам творец своего несчастья... а счастье мне пока еще не попадалось. Или я уже разучился различать его во всем том спаме, которым завалена любая среднестатистическая жизнь? Или просто ищу его совершенно не там?

Линия 4

— Вы понимаете, что берете на себя огромную ответственность? Что это уже не плод, а вполне сформировавшийся, жизнеспособный ребенок? Мы таких дорастиваем. Подумайте — кто-то, может быть, мечтает о ребенке! А вы его

убьете...

Да пошел он, этот сердобольный доктор! Я стискиваю руки и сжимаю зубы так, что становится темно в глазах. Если сейчас я дам себя уговорить этому совершенно чужому, и, по большому счету равнодушному человеку, то...

— Ей этот ребенок не нужен. И мне тоже, — резко отвечаю я, и смотрю ему в глаза так, что он затыкается на полуслове, вздыхает, но все же снова настаивает:

— Подумайте. Подумайте, чтобы потом не раскаиваться...

Хорошо ему давать советы! Наверняка у него дома нет беременной пятнадцатилетней дебилки с сиськами третьего размера и совсем без мозгов! И интересно, сколько он сам, этими своими руками, которыми сейчас так презрительно вертит очки, сделал аборт? Убил вполне живых, жизнеспособных плодов, будущих детей? Наверняка больше чем я! И он строит из себя чуть не святого, рассуждает о высоких материях... И я не выдерживаю. Хотя еще по дороге обещала себе быть спокойной и рассудительной, я взрываюсь и меня несет:

— Вы считаете — я не думала?! Я почти неделю думала! Вы полагаете — мне это легко? Ребенок! У ребенка! Ей учиться надо, а не детей рожать в девятом классе! А мне что прикажете

делать? С работы уходить? Сидеть дома? А она так и будет гулять...

Я орала так, что слышно, наверное, было не только возле кабинета, но и на весь этаж. Но мне было плевать. Я так остро ненавидела в этот момент и дочь, и ни в чем не повинного мужа, который всю эту неделю только и делал что вздыхал, ныл и сбегал от меня вечерами неизвестно куда... и ничем, ничем мне не помог! Даже сюда я пошла одна! А он только поддакивал и вякал: «Как ты решишь, так и будет». Конечно, поразмыслив на досуге, мой благоверный отчетливо уяснил, что его любимая рыбалка и воскресные посиделки с друзьями накроются медным тазом, если Маргошка родит внука. Придется бросить свои хобби, стирать, гулять, и ходить на молочную кухню, ночами же не сидеть в свое удовольствие до трех ночи, до умопомрачения гоняя танчики, а укачивать орущего младенца! После чего утром опять-таки не спать до полдня, а... Короче, всю неделю от меня просто искры летели, и я рявкала так, что мой супруг даже отставлял в сторону комп и безропотно мыл посуду. А Маргошка сидела у себя в комнате и носу не казалась, и даже выйти никуда не пыталась. Впрочем, я бы ее и не выпустила. Господи, она даже не знает, кто точно отец этого самого... плода!

— Где нужно подписать? — решительно сказала я. — Давайте! Я подпишу.

Доктор скривился, но только молча кивнул, и подвинул бумаги. Я подмахнула их, и уже развернулась, чтобы выйти из кабинета, когда он сказал:

— Вы понимаете, что если ребенок выживет, это уже будет не аборт, и не искусственное прерывание? Что вам придется или забрать его, или оформлять отказ?

— Когда можно положить ее в стационар? — поинтересовалась я, и он безнадежно махнул рукой.

— Да хоть завтра...

— Вот и хорошо. Значит, до завтра.

Денег я ему не дала, хотя он откровенно поглядывал мне в руки. Хорошая у этих грёбаных эскулапов метода — сначала надавить на материнский инстинкт и чувство вины, а затем еще и деньги за это взять! Поиметь страждущих сразу два раза... Интересно, их этому в мединституте учат, на специальных семинарах, или это талант врожденный? Нет уж, дорогой мой, платить я буду тому, кто непосредственно станет производить эту омерзительную процедуру... И пусть в глазах этого доктора, Сергея и его матери, которой муж неизвестно зачем все растрепал, я чудовище — но я приняла решение. Никто из них не хотел брать это на себя — и в результате решать пришлось мне. Мне одной.

Несмотря на мою показную храбрость, и

решительность, и все прочее, что я не прятала глубоко внутри, а выставляла на всеобщее обозрение, и даже бравировала этим, мне было ужасно паршиво. Я шла по улице как сомнамбула, не замечая ничего и никого вокруг — так мне было погано. Я чувствовала себя последней дрянью, сволочью... Я терпеть не могу принуждать людей к чему-либо... Но сейчас это было необходимо... как... как самооборона!.. Я знала, я просто ЧУВСТВОВАЛА, что от ЭТОГО нужно избавляться любой ценой... и им всем придется согласиться — и моей любимой доченьке, и мужу, и этому врачу, имени которого я так и не запомнила. И даже свекрови, которая только и умеет, что лить слезы над бездомными животными, которых она сама никогда не возьмет в дом, да сериалами... а в жизни она куда более жесткая, чем я! Я до сих пор помню, как она вынудила меня уже на третьем месяце сделать аборт, мотивируя тем, что двоих детей нам не потянуть... А ведь я, в отличие от Маргошки, которая на все расспросы только кривится и тянет «ну-у-у-у... я не зна-а-а-ю....» ХОТЕЛА этого ребенка! Свекровь же, наверное, боялась что придется помогать нам материально... да кто бы у них что попросил! И сейчас у меня на душе было так паскудно, как и тогда, когда я вышла с черного хода этого мерзкого абортария вся пустая... выпотрошенная... А она

ждала меня на улице с моим пальто и довольной ухмылкой: «очень тяжело, доченька, я понимаю... но НАДО!» И теперь я сама вынуждена выступать в той же роли. Однако решение было принято, и я не отступлю... Но я чувствовала себя неправой. Это ужасно — чувство собственной неправоты. Я ощущала себя мерзкой тварью... монстром, который будет душить несчастного младенца собственными руками. Все, все в этой истории выходили чистенькими, невинными жертвами — даже моя блудливая кровиночка, которая сидит себе сейчас на диване с ногами, жрет чипсы и слушает музыку через наушники, потому что в школу я ей идти не велела. И только одна я была чудовищем — потому что я ВСЕ РЕШАЛА. Но я же решала ЗА НИХ! Потому как сами они не хотели отвечать равным счетом ни за что. Ни Сергей. Ни Маргошка. Ни даже этот доктор, которому по инструкции было положено рассказать мне все — и то, что ребенок может выжить. Как мне это осточертело... как я устала от всего — от проблем, от наших запутанных отношений, даже и от самой жизни я, кажется, уже тоже устала...

В метро была дикая толчея. Всю дорогу до дома я простояла, снова и снова перебирая, разбирая, прокручивая в голове раз за разом состоявшийся разговор, но вывод снова получался только один: я должна это сделать. Должна, и

точка. Господи, я не хочу больше так жить!.. Не МОГУ больше так жить! Я едва не застонала вслух. Жить с мужем, который давно меня не понимает, и с такой же чужой, неразборчивой доченькой... Зачем такие дуры, как я выходят замуж? И рожают детей? Потому что так НАДО? Оттого что так делают ВСЕ? И куда, интересно, эти ВСЕ едут прямо среди дня? Такое впечатление, что даже в будни никто в городе не работает, и не учится! Везде, на каждом углу полно пьющих пиво подростков. Они шатаются по улицам, дымя сигаретами, легко спуская деньги, взятые у родителей — а откуда, интересно, у них возьмутся собственные? Да, и моя красавица тоже носит серьгу в пупке и юбку шириной в ладонь, так чего удивляться, что она принесла в подоле? Можно поразиться лишь тому, что она не забеременела раньше... а я, дура, сама покупала ей все эти маечки с вырезами, и провокационные шортики! Гордилась своей толерантностью, балда этакая, и радовалась, что деточка одета по моде, и не стыдится себя в школе — не то что я сама когда-то!

Дома было все так, как я и предполагала — только Маргошка вместо чипсов щелкала семечки.

— Ну что? — спросила она, на всякий случай шмыгая носом, хотя я видела, что плакать она не собирается. И даже морду накрасила, а под халатом у нее надеты любимые драные джинсы и свитер.

— Завтра с утра, — бросила я. Разговаривать с ней не было никаких сил.

— А... Ма, я к Лизке схожу?

— Нет.

— Ма... уроки узнать надо.

— Да? — саркастически осведомилась я. — Уроки? Сядешь и будешь решать уравнения? Или сочинение напишешь — «Как я провела лето»? И с кем?

— Я же извинилась... — угрюмо протянула она и тряхнула челкой. — Думаешь, мне самой...

Я не могла уже слушать, видеть, разговаривать. Больше всего мне хотелось заехать ей по физиономии, так, чтобы она хоть что-то почувствовала... чтобы ей тоже стало больно. У меня даже руки задрожали, но я сдержалась, и когда она снова протянула это свое нагло-просительное: «Ма-а-а...», я рывкнула:

— Дома сиди! — развернулась, чтобы действительно не ударить ее, и хлопнула дверью спальни у дочери под носом.

Рухнула на кровать как была — прямо в грязных штанах и заревела. Слезы, которые копились почти неделю, хлынули потоком. Я уткнулась лицом в подушку и плакала... плакала... потому, что только сейчас, сию минуту поняла, как это страшно — убить живого, нерожденного ребенка — с ручками, с ножками, с маленькими

чешуйками ноготков, с тоненькими волосиками, с вполне сформировавшимися ушками и глазками... ребенка в Маргошкином пока едва выпуклом животе, животе, который наполовину мой собственный... и ребенок этот на четверть — я сама! Он сидит там, сосет палец, он уже живой, уже двигается... возможно, даже слышит, как мы тут обсуждаем, каким способом побыстрее избавиться от него... От него, который никому ничего плохого не сделал... Мы же чудовища... все мы — чудовища, людоеды!

Внезапно мне стало так жутко, что я рывком села на постели, вытерла слезы и сопли — и меня вдруг переполнила решимость все, все исправить, поправить, изменить... Родить... нянчить... кормить из соски... стирать... ладно, сколько там этой стирки, сейчас же есть памперсы! Я вспомнила, как маленькая Маргошка упоительно пахла... и ощутила подушечками пальцев нежность ее атласной младенческой кожи... У меня даже соски напряглись от того, что я почувствовала прикосновение к ним жаждущего детского ротика. Да что же это со мной было?! Наваждение, морок... Как можно убивать живое?! Кормить из бутылочки, задыхаясь от счастья давать подержаться за свой палец... первая улыбка... узнавание... агуканье... первые шаги...

В гостиной никого не было, а из дочерней

комнаты доносился смутный бубнеж... я нетерпеливо постучала.

— Ма, ты чего? — Маргошка выскользнула в коридор и быстро прикрыла дверь. Но я все равно успела увидеть как подружка дочери — та самая Лизка, к которой она собиралась уйти — курит в форточку.

— Маргош, если ты вдруг передумаешь... — горячо начала я и внезапно наткнулась на равнодушный и одновременно удивленный взгляд дочери. Абсолютно холодный, взрослый взгляд. Куда взрослее, чем у меня самой. Я налетела на этот взгляд как на стену, и все, что я несла в своих руках и хотела ей предложить, отдать, подарить — всю себя без остатка, свою заботу, согласие, сочувствие, радость, понимание, примирение — все это рассыпалось в одно мгновение, оказалось никому не нужной бумажной шелухой... грязным серпантинном после праздника, который сметают и выбрасывают в мусорный мешок...

— Что передумаю? — все же вежливо поинтересовалась дочь.

— О ребенке.

— Ма, ты с ума сошла? Как это я передумаю! Ты ж уже договорилась?!

— Тебя никто не принуждает...

— Да не переживай так, — дочь посмотрела на меня, и я снова поразились тому, что,

оказывается, она понимала в этой жизни куда больше моего.

— Ко мне Лизка пришла, — она кивнула на дверь. — Ну... мы посидим немножко, хорошо?

Я с трудом проглотила комок горькой слюны и поплелась в ванную.

— Чё она от тебя хотела?

— Ребенка советовала оставить... вроде того.

— Очешуеть! — сказала Лизка, щелчком выбрасывая окурок в окно. — Мои ваще б меня убили нах. Если б я захотела оставить... Твои предки ваще!.. И что они с ним делали бы?

— А я знаю? — девушка плюхнулась на диван. — Мамахен всегда так — сначала орет как ненормальная, потом морали читает, хоть уши затыкай, а потом расстиляется... Куртку новую хочу, кожаную. Показать, какую?

— Спрашиваешь! — тут же согласилась подруга. — Кожа — это вещь!

Линия 1

«привет. это я»

«где ты пропадала так долго? я скучал»

«у меня сессия»

«где ты учишься? в институте конспирации?»

Я засмеялась. Наверное, действительно моя

игра в загадочность затянулась.

«всего-навсего в кульке L(((»

«а чем тебе не нравится кулек?:-))))»

Мне-то мой «кулек» как раз нравится... И почему я так боюсь рассказывать что-то себе именно ему? Почему иногда я так легко и непринужденно болтаю в Сети с людьми, которые мне, честно говоря, по барабану?.. Да как раз именно потому, что они мне безразличны, не нужны, и их мнение меня совершенно не интересует.

«алё, Белка, ты еще здесь?»

Недавно я сменила свою аватарку с туманно-неясной черно-белой фоткой, на которой был изображен зимний пейзаж на изображение сумасшедшей белки из «Ледникового периода». И он тут же стал называть меня Белкой, хотя об этом своем еще детском прозвище я ему ничего не рассказывала. И это мне тоже нравится. Я сама знаю уже о нем очень много — и то, что его зовут Никита, и где и с кем он живет. Он учится на пятом курсе, и этой весной получит диплом. Живет с родителями. Он умеет водить машину и стричь газон — и поэтому шутит, что не пропадет в жизни. Если не устроится после института на работу, пойдет таксовать или ухаживать за травкой. Мне легко и весело с ним. И если раньше после занятий я частенько шаталась по городу, сидела на

скамейках, размышляя о сюжетах, слушала и смотрела как общаются старички в очередях, рабочие на стройке, парочки... словом, набирала фактуру — то сейчас я сразу бегу в нашу общагу, включаю ноут и жду. Мне кажется, что он делает то же самое — потому что в Сети он появляется почти одновременно со мной. И мы говорим, говорим, говорим... Никита уже много раз просил у меня телефон, но почему-то я боюсь услышать его голос... может потому, что года полтора назад я влюбилась как дура, случайно поговорив по телефону? Голос был упоительно хорош — с бархатными нотками, глубокий, завораживающий... Он ласкал мои уши и, слушая его, я буквально таяла. С его обладателем мы болтали часами, и все было легко, пока я не полетела к нему на свидание. Оказалось, что кроме голоса, в который я так глупо и безоговорочно вляпалась, мне не понравилось в его хозяине ничего. Парень оказался почти на голову ниже меня, щуплый, белобрысый и с торчащими по-сусличьи зубами. Я плелась по весеннему, залитому солнцем и забитому до отказа скверу тусующимися, целующимися и обнимающимся этакой долговязой верстой, а он семенил рядом своими остроносыми клоунскими ботиночками — но, даже несмотря на эти смешные, уже немодные острые носы, было видно, что размер у ботинок не

больше тридцать девятого. И он все пытался ухватить меня под локоток — руки у него были такие же маленькие как и ноги, и короткие цепкие пальчики... Кого-то, может, и устраивает такое положение вещей, но материнские чувства — это не для меня. Я не стану покупать своему парню ботинки в Детском мире. Да и не в этом дело... просто он был весь такой же мелкотравчатый, как и его ручки-ножки. Частые, птичьи движения, суетливые танцы вокруг меня... По телефону мы трепались уже настолько непринужденно, что он вообразил, будто дело осталось за малым — уложить меня в койку. И, как токующий голубь, он пытался меня куда-то завлечь, увести с улицы, из этого залитого солнцем сквера в какую-нибудь затхлую комнатку с несвежим бельем, пыльными гардинами и резиновыми остатками манной каши в ковшике на кухне. Я отстранялась, но он то и дело норовил прикоснуться к моему рукаву, плечу, вороту куртки... Его рука нетерпеливо тянулась к моему уху с кучей мелкого дешевого серебра:

— У тебя сережка завернулась...

Он протягивал свои детские пальчики с обгрызенными ногтями, но я не хотела, чтобы они хотя бы мельком притрагивались к моей коже, к волосам, и брезгливо отклоняла голову. Его потрясающий голос немедленно потерял весь свой

шарм, стоило мне оказаться с ним вместе... И теперь, наверное, я подсознательно боюсь нового, столь же глубокого разочарования.

«куда ты пропала?»

«отлучилась на минутку. подруга забегала» — вру я.

«у тебя много подруг?»

Кроме моей соседки и тетки, у меня считай, никого нет... я так задумалась над этим феноменом, что не дождавшись моего ответа, Никита задает следующий вопрос:

«ты не любишь общаться с настоящими людьми?»

«именно с настоящими как раз и люблю» — тут же выдаю я, и он улыбается:

«J)))»

Я чувствую эту улыбку, как некую материальную, связывающую нас в Сети нить, и вижу, как у него мило изгибаются губы... и мне хочется запустить пальцы в его густые волосы, которые у него растут немножко вихрами... И... черт с ним... пусть у него тоже окажутся крохотные ручки! Я даже согласна на то, что он будет ниже меня ростом — представителям сильного пола вообще нелегко с моими ста семьюдесятью пятью, мужчины обычно предпочитают подруг помельче. Ладно, не буду в такой момент кривить душой — скорее им нелегко не с моим ростом, а с

моим характером. У меня куча комплексов, и я достаточно нелюдима, чтобы променять любую тусовку на сидение у компа... реально я предпочитаю виртуал. Но мне все больше и больше не хватает рядом тебя, живого! Все мое естество, так привыкшее прятаться за словами, придуманными сюжетами, за аватарками, не имеющими ко мне, настоящей, почти никакого отношения, хочет к тебе... на свободу... Но что если эта свобода окажется такой же иллюзорной и неполноценной, как и те истории, которые я измышляю на своем сценарном факультете? Что, если и тебя я придумала тоже? Порочный, замкнутый круг, который можно разорвать лишь одним способом — узнать тебя. Настоящего. Увидеть как ты движешься, закидываешь на плечо сумку... как складываются твои губы, когда ты произносишь звуки... как откусываешь пирожок, вертишь в пальцах подобранную в парке веточку... лепишь снежок из пропитанного водой первого, непрочного снега. Вчера выпал первый снег, и не растаял...

Линия 2

Вчера выпал первый снег, и не растаял. И вчера мы с Юрой впервые были вместе. Никого не было дома, никто не видел как я уезжаю... и некому было меня остановить. Нет, я не буду врать себе —

что не думала об этом и не хотела этого... Для чего тогда я приняла ванну с ароматической солью, побрила ноги, руки, и даже привела в порядок то место, которое на кремах для эпиляции называют «область бикини»? За последний месяц я так похудела, что, когда перед зеркалом в ванной я надевала новое, изысканное серо-бежевое белье, мое отражение впервые за последние годы мне понравилось. Разумеется, мне не двадцать, и даже не тридцать, но... Те лишние килограммы, которые я безуспешно пыталась сбросить с помощью диет, растворились без следа, сожженные ночными беседами. И от того что едва захлопнув ноутбук я уже лихорадочно начинала ждать следующего вечера, у меня напрочь пропал аппетит: утром вместо привычного плотного завтрака, я едва могла осилить чашку кофе. Однако на этой жалкой порции я, как энерджайзер, существовала почти до самой ночи. За ужином, в компании мужа и сына я снова не могла проглотить куска, сидя как на иголках, и стараясь хотя бы впопад отвечать на вопросы, нетерпеливо дожидаясь того момента, когда все разойдутся по своим комнатам, и уснут. Впрочем, сын всегда проглатывал ужин наспех, глядя в какую-нибудь книжку и также особо не интересуясь нами, мчался к себе — он у нас учится очень прилично, и до диплома осталась всего одна сессия... Так что мальчишка старается. Кроме того,

Сашка обещал к окончанию института подарить ему машину. «Конечно, почему бы и нет? В гараже столько места, что влезет еще штук пять!» — едко заметила я, но муж и бровью не повел. Иногда мне кажется, что он свихнулся на этих машинах... куда, спрашивается, нам еще одна? Да пусть сын заберет ту, что считается моей — все равно мне от нее ни холодно, ни жарко! Но... Сашку не переспорить, он так забавно надувается, когда речь заходит о том, чего он сам достиг в жизни. Пускай забавляется игрой в мелкую буржуазию, если хочет. С меня довольно этого дома со всеми его новомодными примочками. Когда он строил его, мое мнение совершенно не принималось в расчет. Вместо сплошного стекла, металла и плитки лично я предпочла бы что-нибудь уютное, деревянное... Однако Сашка заявил, что деревянных кружавчиков ему хватает и на работе, а наш дом будет выдающимся во всех отношениях! Что ж — действительно — ни у кого рядом нет ни такого дома, ни такого сада. Я не люблю ковыряться в земле, поэтому весь участок вокруг нашего прозрачного дома в первый же год порос какими-то неопрятными сорняками, которые зимой уныло колыхались на ветру, прекрасно обозреваемые из наших шикарных окон от пола до потолка. Картина была настолько безрадостной, что, когда весной у соседей зацвели нарциссы, тюльпаны и еще

какие-то совершенно неведомые мне цветики-семицветики, а у нас из-под старого сухостоя дружно полез из земли мощный молодой бурьян, Сашка организовал субботник по очистке территории. Не встретив ответного энтузиазма, он повез меня в садовый центр. Там продавали все для двинутых на этой почве — начиная от весьма симпатичных керамических горшков, и заканчивая мини-тракторами, шлангами и всем прочим фермерским хозяйством, от которого меня немедленно потянуло в сон. Я унылым хвостом таскалась за ним по рядам газонокосилок, а Сашка упоенно расспрашивал продавца, по-хозяйски тыкая пальцем то в один, то в другой агрегат. Откуда ни возьмись, возле нас появился еще один тип — как оказалось, ландшафтный дизайнер, который, увидев в глазах мужа заинтересованный блеск, выволок нас на свежий воздух, к елкам и березкам в кадках. Заметив мое кислое выражение лица, он тут же поинтересовался:

— Вы не любите природу?

Отчего же... я люблю природу. Вокруг нашего поселка роскошный дубовый лес, и весной среди деревьев распускаются целые поляны нежно-голубых пролесок. Вслед за ними появляются сиреневые цветочки, названия которых я не знаю, потом — ярко-желтые, с тончайшими блестящими лепестками... А потом наступает лето,

и в лесу почти ничего нет, кроме прохлады, пахнущего листвой воздуха и травы. Однако именно такую природу я и люблю. Чтобы не казаться невежливой, я все это изложила.

— Вам нужен сад в естественном стиле, — тут же сделал вывод специалист.

Сашка немедленно с ним согласился, а я уселась на лавку, махнув рукой на очередную причуду мужа, и предоставив им полную свободу выбора. Однако меня не оставили в покое — водили показывать то одно, то другое... В конце концов и я увлеклась этими елками-шмёлками, и даже научилась отличать можжевельник от туи. Как оказалось, чтобы тюльпаны зацвели весной, сажать их надо было осенью. Это меня несказанно обрадовало, потому как я ужасно боялась, что Сашка закупит тонны цветов, и наш сад станет похож на клумбу перед памятником.

Ландшафтник, впрочем, оказался весьма толковым. Приехав и оценив масштабы бедствия, он не стал привлекать меня к земляным работам, как я опасалась, а весьма оперативно предоставил на утверждение проект, в котором большая часть наших тридцати соток была засеяна травой, а остальное засажено хвоей и кустарниками всех мастей.

Я люблю цветы — где-нибудь на выставке, или в ботаническом саду — но сама совершенно не

умею за ними ухаживать, да и не хочу, если честно... Должно быть, поэтому на нашем участке до сих пор нет ни роз, ни клематисов, ни прочих излишеств, о которых так любят рассуждать продвинутые во флористических вопросах дамы на работе. К слову сказать, получившийся в нашем саду пейзаж нравится мне куда больше, чем пестрое великолепие, виднеющееся за соседским забором, где постоянно копается садовник. А со своим садом мы худо-бедно справляемся сами: сын стрижет траву, да и я изредка тоже выхожу. Однако, кроме полива, наш сад почти ничего не требует. Раз в две недели приходит бодрая местная пенсионерка, подчищает сорняки, подсыпает измельченной коры — кажется, она называется мульча — и все выглядит более чем прилично. Да, Сашка, конечно, не выдержал, и, посоветовавшись со все тем же молодым человеком, накупил осенью чуть не два мешка каких-то луковиц, от количества и разнообразия которых я пришла в ужас. Однако это, к счастью, оказалось не тем чего я опасалась — эти замечательные цветочки не нужно было постоянно закапывать и выкапывать, и носиться с ними как с писаной торбой: их просто следовало высадить на место, а уж расти-цвести они обязаны были сами. Вдвоем с сынулей, сверяясь с Интернетом, мы без труда определили их на жительство. Теперь весной и летом то здесь, то там из земли вылезают

тюльпаны, нарциссы, крокусы, лилии, и еще какие-то цветы, названия которых я не запомнила, и разнообразят наш почти полностью зеленый пейзаж. Слава богу, Сашку также все устроило, и он больше не возвращался к вопросам садоводства, потому, как я понимаю, для него главное — чтобы у нас было все «как у людей», то есть как у соседей справа и слева.

Я ехала на свое первое за много лет свидание, зачем-то вспоминая нашу садовую эпопею — не потому ли, что за окном тянулись унылые, почти деревенские пейзажи: корявые, растерявшие листву деревья, огороды с торчащими кочерыжками от срезанной капусты, окруженные жуткими бетонными оградами, которые владельцы гордо именуют еврозаборами... При одной мысли о том, что сейчас я увижу ЕГО сердце у меня начинало колотиться так, что сбивалось дыхание, и я порадовалась, что еду на общественном транспорте — водитель из меня никакущий, а разбить машину, купленную на деньги мужа, отправляясь на свидание с другим...

Я приехала раньше чем требовалось почти на двадцать минут. На улице было ветрено, а шапку я надевать не стала, чтобы не смять уложенные феном волосы, и поэтому завернула в какой-то магазинчик, скоротать время. Рассеянно рассматривая дешевые безделушки, я в последний

момент все пыталась решить терзающий меня вопрос: осмелюсь ли я выйти отсюда через двадцать... нет, уже пятнадцать минут? Или лучше переждать здесь, тем более, продавщица проявляет к моей персоне настойчивый интерес? Купить незатейливое, совершенно ненужное колечко, да хоть вот это... и вернуться домой. Может быть, с меня уже довольно того, что я пережила за эти два месяца ночных посиделок у компьютера? Пощекотать себе нервы, представить, что было бы, если... и возвратиться в свое стоячее, спокойное болото! Минуты бежали, я не могла принять решение, но украдкой бросала взгляды на пяточок у памятника, где мы договорились встретиться.

Он появился за пять минут до оговоренного часа, и сердце у меня так сильно стукнуло, что на миг потемнело в глазах. Даже продавщица заметила, как я переменялась в лице и сочувственно спросила:

— Вам нехорошо?

— Ничего...

— Сегодня магнитная буря. Кстати, у нас есть нефритовые браслеты, которые помогают снимать метеозависимость. А также маски, омолаживающие кожу лица...

Чтобы не разочаровывать девушку, я быстро купила совершенно ненужный мне браслетик, и сунула его в сумочку... ничего, отдам сыну, а он

презентует какой-нибудь девице. Юра, или человек, которого я так называла, стоял, нетерпеливо переминаясь на скользком мраморном подиуме памятника, и приглядывался к проходящим женщинам. Я внезапно вспомнила, что вчера меня вдруг обуяло игривое настроение, и я, когда мы уже договорились о времени и месте, написала:

«кстати, мое фото в анкете — пятилетней давности. тебя это не смущает?»

«ну, я не думаю, что ты сильно изменилась за это время»

«если честно, то изменилась. я поправилась почти на двадцать килограмм. но если ты передумаешь, я не обижусь»

«я не из тех, кто меняет свои решения. для меня важен человек, а не килограммы»

Улучив момент, когда он повернулся спиной — мне не хотелось, чтобы он видел, что я выхожу из магазина, — я неспешным шагом направилась к нему. В конце концов, я взрослая, умная и порядочная женщина, — уговаривала я себя, — и смогу взять контроль над ситуацией в свои руки в любой момент. Если он мне не понравится, станет говорить пошлости, или вести себя развязно, я просто уйду. Посчитав на этом свое виртуальное приключение законченным. И даже извлеку из всего этого уроки.

— Юра? — полувопросительно спросила я и

он обернулся. Увидел меня и лицо его просияло:

— Наташа? Ты?

— Я...

Мы стояли и глазели друг на друга.

— Я хотел купить тебе цветы, но потом подумал...

Правильно решил. Куда я пойду с его цветами? Домой? Он знает, что я замужем.

— А как же... — его взгляд все блуждал по моей фигуре. — Ты вчера сказала, что поправилась на двадцать килограмм?

— Я пошутила.

— Мне нравится, когда у людей есть чувство юмора.

Улыбка у него была замечательная.

— Я тоже терпеть не могу тех, кто не понимает шуток.

— Знаешь, мне кажется, что мы с тобой знакомы не два месяца, а сто лет. Как будто я знал тебя раньше, а потом почему-то потерял... Давай-ка я возьму тебя под руку... не возражаешь?

Снег сначала падал редкими рыхлыми хлопьями, потом стал более густым и мелким. Ветер бросал его пригоршнями нам в лица, и улица, по которой мы шли, стала едва видна из-за ажурной завесы метели.

— А давай спрячемся? — внезапно сказал мой спутник, и, как волшебник, раскрыл над нашими

головами зонт. Сразу стало так уютно, как будто город с чужими людьми, взглядами, разговорами, машинами и сырым ветром отодвинулся... и осталась только невероятная близость двоих, идущих рука об руку под одним зонтом. Я не помню, о чем мы говорили, пока гуляли, и вообще, говорили ли мы? Мне кажется, мы просто молчали — неизвестно куда — да какое, это, собственно имело значение? Нам обоим было хорошо. А потом он заметил:

— Слушай, ну ты же совсем замерзла!

Действительно, я не хотела сегодня надевать шубу, а явилась в коротенькой курточке, которая, как я знала, мне шла и молодила меня. И новые узкие джинсы были мне к лицу, и ботинки на каблуке...

— Сними перчатки... у тебя совсем ледяные пальчики!

Он дышал на мои руки, почти касаясь их губами, а я ощущала то, чего не испытывала много лет — такую острую радость, что она захлестывала меня, накрывала с головой...

— У тебя нет обручального кольца. Ты его не носишь?

— Я вышла замуж много лет назад. И теперь оно стало мне мало...

Я не стала добавлять, что так же как кольцо, давно утратил свой истинный масштаб наш брак...

скукожился, стал чем-то неудобным... тесным... старым... немодным... заброшенным... и теперь он пылится на антресолях, в куче другого ненужного домашнего хлама.

— А давай поедем ко мне? Выпьем кофе, ты согреешься...

Я действительно отогрелась у него. И не только телом. У меня начала оттаивать душа. И Юра поил меня кофе, и коньяком, и кормил мандаринами, пахнущими Новым годом и праздником. Да это и был наш с ним праздник — наш, личный, принадлежащий только нам двоим, а не всем тем, которые сейчас идут через завесу снега по мокрым улицам, или сидят перед телевизорами, не зная, что можно сделать другого человека счастливым просто так. Не в праздник. Не в юбилей. А в обычный, ничем не примечательный день. Даже то, как он старательно очищал кожуру, а затем осторожно, дольку за долькой предлагал их мне, словно ребенку, бесконечно трогало меня. А потом он очень нежно коснулся поцелуем моих губ, пахнущих мандаринами. Я уже забыла, что поцелуи могут приносить такое блаженство, такое чувственное наслаждение... С Сашкой мы не целуемся ТАК уже много лет. Наверное, он считает, что ЭТО мне уже не нужно... Против воли я все время сравнивала своего мужа и этого, почти незнакомого мне мужчину. Хотя почему —

незнакомого? Сейчас мне казалось, что я тоже знаю его много лет... не два месяца по переписке. Мы уже виделись... встречались... мы знаем друг друга давно... очень давно...

А потом... потом время повернуло вспять, или исчезло, так же как и пространство. Существовали только я и он... и ничего вокруг. И я напрочь забыла о том, что я замужем, что действительно собиралась только выпить кофе и ничего больше. Мне было хорошо с этим человеком. Я не знаю, каким секретом он обладал, как смог заставить меня, напряженную как струна, расслабиться... позволить делать с собой все что угодно. И он не торопил меня, нет — он действовал очень умно, позволяя мне самой раскрыться, и дойти до такой степени чувственного накала, что теперь уже я подстегивала события и искушала его! И мне было абсолютно все равно, что сейчас он думает обо мне. Такого экстаза, как с этим мужчиной, которого я впервые увидела всего лишь несколько часов назад, я не испытывала не то что давно — наверное, никогда. И он говорил, говорил мне все те слова, по которым я истосковалась, которых была лишена долгие годы своего замужества. Что я красива, что у меня нежная кожа и маленькие ушки, изящные пальцы и длинные ноги... он называл меня кошкой, птичкой, рыбкой... Близость с ним казалась каким-то

священным действием, торжеством, и несколько не была похожа на то унылое и поспешное совокупление, с которым я смирилась в последние годы. Он не торопился отпускать меня, поглаживая мою спину, ероша волосы, покусывая пальцы... Я, отвыкшая от всего этого, смеялась, отбрыкивалась, и вела себя почти как девчонка, а он не уставал восхищаться мною. То, что женщины любят ушами — чистая правда. Мои уши впитывали его слова, словно панацею от морщин, от плохого настроения, и даже от слякоти, ожидавшей меня на улице. Это было сказочное свидание, но... все постепенно возвращалось на круги своя. И вот внутри меня снова затикали часы. Счетчик начал отсчет минут, оставшихся до моего возвращения.

— Тебе пора домой?

— Да... уже поздно...

— Можешь не объяснять, я все понимаю... Я давно сказал тебе — я не из тех, кто разрушает. Не бойся, я не причину тебе никаких неудобств. Какая же ты красивая! Ты — моя королева... Мы еще увидимся?

— Наверное...

— Тебе надо привести себя в порядок... немножко. — Он снова улыбнулся.

В его ванной я посмотрелась в зеркало — и не узнала себя. Женщине, отражавшейся в стекле, от силы можно было дать тридцать. У нее были

взлохмаченные волосы подростка и широко распахнутые, сияющие глаза. Я чувствовала себя молодой, влюбленной, желанной, невесомой... а не той почти старухой, в которую меня превратила пресная, размеренная семейная жизнь.

Была уже практически ночь, когда такси высадило меня у калитки. За полчаса, проведенные в машине, я успокоилась, и даже дала оценку своему поведению. Раскаивалась ли я? Было ли мне стыдно? Безусловно. Но я была СЧАСТЛИВА. И ни о чем не жалела.

Линия 3

— Наташ, кофе пить будешь?

— Что?..

Я предложила ей кофе, потому как неудобно было угощать Юльку, и проигнорировать присутствующую здесь же сотрудницу, хотя мы с ней никогда не были особенно близки. Наши столы рядом, но... Эта Наталья все время то молчит, то бегаёт в коридор — поговорить по телефону с мужем или сыном. Да и какие у меня могут быть точки соприкосновения с ней? Род занятий у нас один, но Наталья — дамочка обеспеченная. От случая к случаю она наезжает на работу на собственной машине, а иногда муженек ее забирает на другой — тоже будь здоров штукенция,

размером с этакий сарай. Порой я думаю: почему те, кто урвал от жизни кусок пожирнее, покупают такие огромные колымаги? Помимо того, что машина — несомненно штука статусная, может быть, она — своего рода компенсация? За затюканное детство, ничем не примечательную внешность... даже за малый рост! Сколько раз я замечала, как из огромных внедорожников вылезали этикие плюгавые недомерки... Однако нашей Натальи это не касается. Мужик у нее вполне ничего, кондиционный. Кроме того, у нашей дамочки и особняк собственный имеется: как-то начальник посылал зама к ней за какими-то бумажками, которые эта домовладелица утащила с собой, да и заболела. Обычно такие накладки заканчиваются как минимум выволочкой, а тут ничего, обошлось... должно быть, зам остался впечатлен загородными радостями нашей мадам. И жалованье эта Наталья, как большинство из нас, не считает — достаточно взглянуть на то, как небрежно она бросает на подоконник очередную дорогушую кожаную сумку — я лично позволяю себе только дермантин. А у нее к каждой паре обуви своя сумка, перчатки, шарфик — все в тон. Небось, то что зарабатывает тратит только на свои причуды. Как говорится, средний класс, буржуазия... И чего она здесь забыла? Любит бухгалтерию безумно, страстно, исступленно, как

Доронина — театр, и жить без нее не может? На ее месте я сидела бы дома, а не чужие деньги считала... хотя некоторые сидеть дома вовсе и не жаждут.

— Девчонки, конфеты!

Юлька с шиком выложила на стол коробку дорогущих швейцарских конфет. Однако я тут же показала силу характера:

— Нет. Я — пас. Чего-то меня в последнее время даже от воды из крана прет, а тут еще твои сладости!

— А я съем штучку...

Я с завистью посмотрела на стройную сотрудницу: Наталья старше нас с Юляхой лет на пять как минимум, но фигурка у нее — просто блеск. А в последнее время она вроде еще и похудела?

— Наташ, — дипломатично начала я, — не просветишь нас, какой диеты держишься? Или таблетки пьешь?

— А что, заметно?

— Более чем! — желая разговорить эту богатенькую молчунью, заверила я, а моя закадычная подруженька, которая всегда была озадачена проблемой лишнего веса, тут же встрепенулась:

— Я вот в последнее время на апельсинах сижу, и на чае с имбирем, но... чего-то не помогает!

— Потому не помогает, что ты шоколад тоннами трескаешь! — поддела я.

— У меня работа тяжелая, умственная, — огрызнулась наша гостья. — Мозг работает в усиленном режиме! И требует сладкого. Иначе я такого наворочу! А в апельсинах что? Одна вода и витамин С. А от имбиря этого вообще аппетит зверский...

Совершенно неожиданно — хотя почему неожиданно? — таких спецов как Юлька по всему городу один-два — она была приглашена к нам на фирму для аудиторской проверки. Сегодня процедура заканчивалась, и Юля заявила к нам в комнату — выпить кофейку и почесать языком со мной. Конечно, мы могли бы спуститься в кафе на углу, а не торчать в не слишком уютном офисе, но сегодня там закрыто — ночным ветром в окно швырнуло огромный сук старого дерева, и пробило стекла насквозь. Однако, несмотря на ветер, дождь и отсутствие любимого места для посиделок, наши бухгалтерские девки разбежались кто за чем. Да оно и понятно: кругом уже начались предновогодние распродажи, и бешеные скидки на всякое никому не нужное барахло, которое в другое время никакой дурак не купил бы — но в преддверии новогодних праздников можно сбыть с рук любую украшенную блестками и дождиком рухлядь. Так что в комнате остались только мы с Юляхой да эта

неразговорчивая Наталья, которой залежалая дешевка и даром нужна не была.

— В самом деле, Наташа, откройте нам тайну, как худеете? — тоном светской львицы интересуется моя подруга.

Когда Юлька захочет, она сумеет расположить к себе всякого.

— Ну... не знаю... как-то само собой...

Вот темнила! Как будто взаймы у нее просят! Сидит напротив, качает ножкой... Ботильоны — просто отпад... и где такие оторвала? И джинсики у нее узенькие, хорошо такие носить тем у кого попка маленькая и ножки стройные, а не такие булки и окорока, как у нас с подруженькой...

— Я теперь утром только кофе пью, — Наталья машет рукой с симпатичным зелененьким браслетом, и я тут же подмечаю, что вещичка хоть и дешевая, но стильная. Вот имеют люди вкус, и любая фигня на них смотрится! На нас с Юлькой вечно навёрчено по килограмму золота, но рядом с этой лощеной буржуйкой мы выгядим как оценщицы в ломбарде... ну, хоть зубы не золотые — и то хорошо! Юлька утверждает что для женщины дорогие украшения — такая же статусная вещь, как для мужика — машина, а я считаю что лучше когда мордашка ухоженная как у этой Наташки, и стрижка стильная, и маникюр-педикюр в любое время года, а не когда уже срочно

босоножки надевать.

— ... а в обед я стараюсь только овощи тушеные, без хлеба. Ужинаю, правда, хорошо — ну надо же себя хоть раз в день побаловать?

Юлька вникает, широко распахнув подведенные глаза — сегодня они у нее изумрудные — и одновременно поглощает одну конфету за другой.

— Надо, надо дать себе, любимой, пошалить, — замечает она. — Браслетик у тебя, Наташ, какой симпатичный — из Эмиратов небось привезла?

— Нет, тут в одной лавочке купила, — Наталья почему-то краснеет.

Юлька — просто гений общения, — завистливо думаю я. Со мной эта фифа никогда так непринужденно не болтает. А с нашей Юлечкой уже на «ты», и рядышком уселись...

— Эх, хорошо бы сейчас махнуть в теплые страны... не люблю я, девки, ни осень, ни зиму нашу, пропади она совсем! В Европе сейчас и теплее, да и грязищи такой свинской как у нас, нет. Я вот в Венеции в прошлом году была — сказочный город! Купила себе колечко на этом их острове... где стекло всякое...

— Мурано?..

— Ага, Мурано, точно! Такое колечко стильное, кучу бабок за него отвалила. А потом

как-то зашла в магазинчик у нас прямо на районе, при «Сельпо» — глядь, а там такие же лежат! По двадцать гривен... Я и спрости — откуда сие произведение искусства? А продавалка мне и говорит: «Из Венеции... прямая поставка!» Обидно даже стало...

Помню я и это колечко, и то, как Юлька расстроилась, когда грохнула его случайно в троллейбусе о железный поручень.

— Ну, я и прикупила себе парочку... на всякий случай.

Купить-то купила, но с тех пор я на нашей моднице стеклянных колец не наблюдала. Одно дело хвастать колечком из самой Венеции и всем его под нос совать — дескать, вот мы какие, не лыком шиты — и отпуск свой не абы где на даче с огородом и туалетом типа сортир проводим, а все больше по Европам разъезжаем. А колечко за двадцать гривен в обшарпанном районном павильоне, куда пришла за стиральным порошком — это уже совсем другой коленкор. Украшения эти небось валяются сейчас у Юльки в каком-нибудь кухонном ящике, и она не слишком расстроится, если они вообще куда-нибудь пропадут. Это тебе не память о Венеции, а просто грошовые мульки из «Сельпо»...

— А я не могу, чтоб с утра не напереться бутербродами. У меня голова ничего не варит на

голодный желудок... — жалуется она, допивая свою огромную кружку кофе и со страшной силой опустошая конфетную коробку. Кофе с конфетами она может употреблять в произвольное время дня и даже ночи, и в любом количестве.

— У тебя работа очень сложная, — замечает Наталья. — Я бы так никогда не смогла! Ответственность — это раз, да и мозги надо все время упражнять. Я тут зарплату считаю, и то боюсь ошибиться, а аудит это вообще высший пилотаж...

— А, ничего особенного! — Юлька надувается от гордости и делает небрежный жест ручкой, но я вижу, что танцы с бубном вокруг ее аудиторских талантов ее весьма греют. — Девочки, а может после службы по винишку, а? — предлагает она. — Конец месяца, да и Новый год скоро... надо бы расслабиться!

Что надо расслабиться, так это точно. Терпеть не могу ноябрь и все сопутствующее: грязь, холод, утром идешь на работу — еще темно, возвращаешься — уже темно...

— Я угощаю! — настаивает Юлька. — Посидим, про тряпочки поболтаем!

Ну, меня лично про тряпочки под винишко уговаривать не надо — я всегда «за».

— Ну... не знаю, — сомневается Наталья. — Как муж...

— А что муж? — интересуется Юлька, делая озабоченное лицо. — Деспот? Самодур?

— Нет, — Наталья улыбается, и я с завистью замечаю, что она весьма хорошенькая, несмотря на свои сорок пять, и улыбка ее молодит.

— Тогда пошли! — еще раз приглашает Юлька. — Посидим, музыку послушаем... может, снимем кого. Тебе не предлагаю — ты замужем — а мы с Зойкой свободные как птички... правда, Зой?

Да уж... птички мы еще те, но что свободные — это факт.

— А то забьемся по своим конуркам, и сидим в Инете... мне например, эти сайты знакомств уже по ночам снится стали, — фыркает наша продвинутая аудиторша и тут же озвучивает тему: — Как считаешь — все принцы! А встретишься — сивый мерин... а принца еще в детстве по дороге потерял! Нет, ну правда? Этим всем анкеткам ихним — грош цена. Читаешь: «Материально обеспечен» — значит, существует от зарплаты до зарплаты. Или: «Живу в своей квартире» — ой, какой гордый! Видели мы эти квартиры... коммуналка зачуханная, обои с плесенью, ремонта с девятьсот тринадцатого года не было, или однокомнатная клетушка в хрущовке на выселках, шестнадцать метров вместе с туалетом и кухней... а то и вообще в нагрузку с мамочкой... которая тебя заранее не любит, потому что ты в сорок лет не

целка и борщ варишь ну совсем не как она! На этих сайтах еще никто никогда никого нормального не находил, это я вам точно говорю. И вообще, глупо думать, что люди размещают там свои объявления, для того, чтобы жениться или выйти замуж. «Хочу найти вторую половинку» — ядовито сюсюкает она. — Как же! У него этих перепробованных половинок полгорода уже! В лучшем случае мужики хотят просто потрахаться от скуки...

— Ты так думаешь? — спрашивает Наталья, ошарашено глядя на мою безбашенную подружку.

— Конечно! — подтверждает Юлька, и брякает кружку с кофе о стол так, что у того чуть ножки не отламываются. — А зачем бы еще? Ну, импотентам или бабам там всяким фригидным поговорить иногда хочется... — добавляет она. — Был у меня один такой... до сих пор иногда с ним общаюсь. Он там всем по очереди голову морочит. Говорит: познакомь меня со своими подругами, выберу себе одну-единственную... И зачем она ему? Фрейда вместе в постели читать? А на вид — ну красавец, Ален Делон отдыхает. Сорока еще нет, а вот так мужика покрутило! Я сама как-то пыталась его расшевелить... даже виагру купила. Так он ее и пить не стал — ему ЭТО, оказывается, уже неинтересно! Он свое оттрахал, и теперь родственную душу ищет! Хотела с ним Зойку познакомить, для смеха, а потом побоялась, что она

меня убьет... Ой, ну и вид у тебя, Натаха, — хохочет она, — что значит — замужня... Семья, супруг приличный, хозяйство... Ты небось даже в социальные сети еще не попала! А мы с Зойкой влипли уже... как мухи.

— Нет, ну почему, — похоже, Юлька все же задела собеседницу. — Я хожу...

— В «Одноклассники», да? — ехидно осведомляется наша разбитная аудиторша. — Лютики-цветочки, кошечки-грибочки. Ставьте «класс» кто не против нас!

У кого-то в сумке вдруг начинает играть телефон, Наталья вскакивает, выхватывает трубку и тихонько выскользывает в коридор. Я шиплю:

— Юль, ну ты вообще... зачем обижать хорошего человека?

— Ну, не подумала... — пожимает плечами Юлька. — Я от своего аудита скоро совсем мозгами съеду. Я от него становлюсь вроде как не баба, а арифмометр с сиськами. Вот психану, и рвану на недельку проветриться, к солнышку. Давай со мной, а? Вместе веселее, и дешевле...

— Кто ж меня отпустит, — вздыхаю я. — Это ты у нас незаменимая, а я — так... винтик в машине... и отпуск у меня теперь не раньше мая...

Линия 5

Вчера выпал первый снег. Я стоял на балконе, курил, и сквозь табак чувствовал его острый, свежий запах, которым было наполнено все — и земля, и воздух... даже старые ржавые балконные перила помолодели под его белой шапкой. Снег, и созданное им чувство какой-то необычайной чистоты было везде — на деревьях, домах, заборах, сетке, огораживающей чей-то чахлый палисадник. И даже на засохших сорняках в этом палисаднике, которые сейчас выглядели не серым осенним сором, а некими растительными кораллами. Мне захотелось схватить фотоаппарат, и немедленно зафиксировать это состояние — пока не поднялся ветер и не стряхнул все... или не пошел дождь, и сказка вновь не превратилась в осеннюю грязь — погода в наших краях непредсказуема. Однако я почему-то медлил... Может быть, потому что вчера в городе я случайно повстречал бывшую жену? Нет, у меня ничего не екнуло, я ни о чем не жалею. Даже настроение не испортилось. Наши отношения начались и закончились уже довольно давно, и возобновления или продолжения я отнюдь не желал. Я не отношусь к тем людям, которые любят ворошить прошлое и проведывать могилы. Просто... просто эти неожиданные встречи с теми, которых мы когда-то любили, и с которыми прошли часть жизни, чем-то похожи на сны, в которых мы встречаем своих покойных близких. Ты спишь, и

одновременно идешь рядом, разговариваешь, радуешься встрече... но даже через сон ты все равно знаешь, что этого человека больше нет... Однако у сна свои законы. В нем происходит все то, чего мы подсознательно хотим в жизни... или чего боимся. Чего же хотел и боялся я? Я не могу однозначно ответить на этот вопрос. Так же я не могу сказать, почему я отвернулся и прошел мимо, хотя был уверен, что она заметила меня. Я сделал это не от ненависти к бывшей жене, и не из трусости, нет. Наверное, больше для того, чтобы избежать ненужного общения, этого пустого и пыльного «привет, как поживаешь?». Меня давно, как говорится, не колышет, как она, с кем, делит свою постель только с мужем, или, как было в нашем случае, в этой постели периодически появляется кто-то еще... Эта женщина давно стала для меня столь же иллюзорной, как и сны с ее участием, которые изредка посещают меня. Я благополучно забыл о ней, и вспоминаю лишь при случае... когда что-то или кто-то напомнит мне о нашей неудавшейся семье. Но я не люблю обсуждать эту тему. Даже с самыми близкими родственниками, или друзьями. Поэтому я не знаю, что происходит в других семьях, после того, как умирает любовь. Я сам одиночка по натуре, и мне нет дела до них — чужих семей, чужих жен. Я никогда не вникаю в их проблемы, и не даю

советов. Потому что я с лихвой хватил своего собственного, личного, домашнего ада. Который назывался ячейкой общества и теплым семейным очагом. Наверное, мы оба были виноваты в том, что в нашем уже давно ничего не тлело. Сначала погас огонь, а потом развалилось и остальное. Однако мы еще долго сидели и сторожили обломки — так делают многие, и мы не стали исключением. Привычка порой перевешивает все. Я давно уже не любил жену. Любовь, особенно если спутать ее со страстью, проходит быстро — это я понял уже тогда. Как уяснил и то, что самое важное при любых отношениях — не ошибиться. Не промахнуться. Не подменять по ходу одно другим. Похоже, я принял за любовь обычное томление плоти и жажду обладания телом. Но если утоленная страсть не перерастает в чувство товарищества, на отношениях можно ставить крест. Когда вы оба уже пресытились постелью, и не знаете, о чем говорить за завтраком — это и есть начало конца. Ты ощущаешь себя так, как будто переспал по пьяни со случайной бабой, а теперь не только не можешь вспомнить, что было ночью, но даже не припоминаешь ее имени... И поэтому говоришь с этой шаستاющей по твоей кухне чужой теткой преувеличенно-ласково: «Зайка моя...» А твою бывшую великую любовь уже раздражают и твоя трехдневная щетина, и носки, которые ты,